

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
NEW ADULT. МАГИЧЕСКИЕ МИРЫ

Макс Далин
УБИТЬ НЕКРОМАНТА
КОРОНА, ОГОНЬ
И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

Екатерина Звонцова
СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

Ава Райд
ВОЛЧИЦА И ОХОТНИК

Дана Арнаутова
ГОД НЕКРОМАНТА.
ВОРОН И ВЕТВЬ

А. Л. Легат
ВОСНИЯ. ВО ИМЯ ТВОЁ

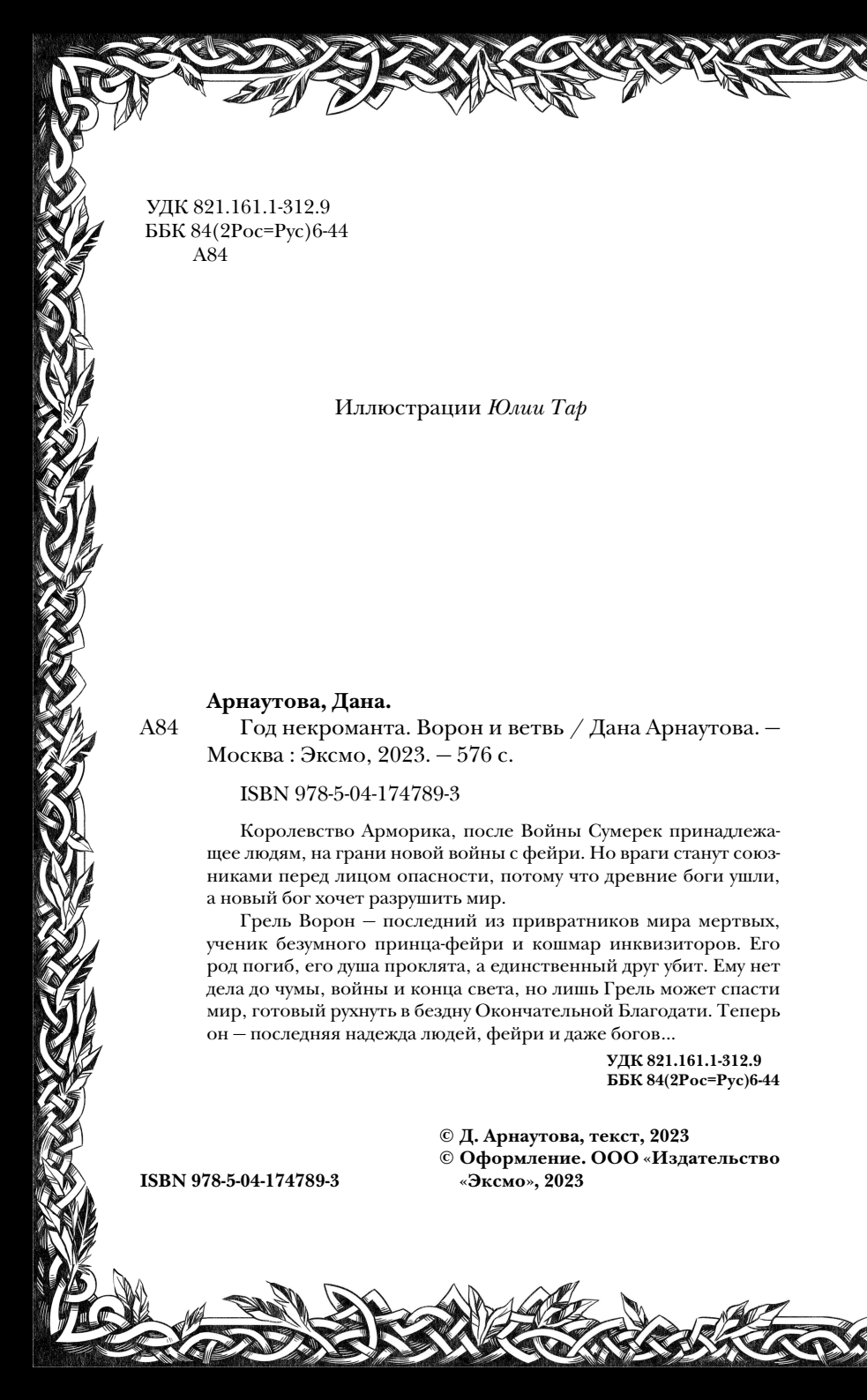
ДАНА АРНАУТОВА

Год
НЕКРОМАНТА

Ворон
и ВЕТВЬ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А84

Иллюстрации *Юлии Тар*

Арнаутова, Дана.
А84 Год некроманта. Ворон и ветвь / Дана Арнаутова. –
Москва : Эксмо, 2023. – 576 с.

ISBN 978-5-04-174789-3

Королевство Арморика, после Войны Сумерек принадлежащее людям, на грани новой войны с фейри. Но враги станут союзниками перед лицом опасности, потому что древние боги ушли, а новый бог хочет разрушить мир.

Грель Ворон – последний из привратников мира мертвых, ученик безумного принца-фейри и кошмар инквизиторов. Его род погиб, его душа проклята, а единственный друг убит. Ему нет дела до чумы, войны и конца света, но лишь Грель может спасти мир, готовый рухнуть в бездну Окончательной Благодати. Теперь он – последняя надежда людей, фейри и даже богов...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174789-3

© Д. Арнаутова, текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Пролог КОЛЫБЕЛЬ ЧУМЫ

*Королевство Арморика, город Кё
14-й день децимуса, год 1218-й
от Пришествия Света Истинного*

Нас ждали. Не зря мне с самого начала не нравилась эта затея. И, конечно, я опоздал. Золотое сияние портала тугой спиралью развернулось на площади, среди полусгнивших трупов и костей. Ничего неожиданного, ничего странного, ничего опасного... И Ури рванулся из портала первым, торопясь к долгожданной цели. Выскочил на мощенную каменными плитами площадь, едва не поскользнувшись второпях, обернулся, сверкая белозубой восторженной улыбкой, сделал шаг вперед, позволяя выйти мне...

Арбалетный болт с влажным хрустом входит ему в грудь. Второй пробивает висок. Непоправимость происходящего пережимает горло. И все, что я успеваю, — подхватить хрупкое тело, что медленно падает вниз, прямо мне под ноги. Прижимаю к груди, прикрываясь от возможного выстрела. Прости, мальчик! Тебе уже все равно. А мертвый, я ничего не сделаю.

— Один готов! — пронзает тишину ликующий женский вопль.

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

Голос срывается от щенячьего восторга. Сучка...

— Нита, молчать! Ставь защиту!

Я трачу драгоценные мгновения, чтобы бережно опустить тело на мостовую. Падаю следом. Перекатываюсь, уходя в тень стены. Они хороши... Болт свистит у виска. Священное серебро обдает жаром. Второй — тоже мимо. Следом приходит волна чужой магии, что Они почему-то зовут верой. Но расстояние немалое, а город так пропитан смертью, что Их сила вязнет и рассеивается впустую.

Теперь моя очередь! Плохая была мысль: играть с некромантом на площади, полной трупов. Нюхаю воздух, пробую на вкус. Ужас, безумие, боль... Эманации смерти так густы, что у меня зубы ломит. Закрываю глаза и почти сразу открываю их снова, по ту сторону Врат, где нет ни ночи, ни дня. Вся площадь во тьме, но три серебряных пятна я различу, даже если глаза мне выжгут. Кожей почую, костями... Два послабее: заемная сила, готовые амулеты. Зато третье — яркое, силуэт умудряется рассеять мрак далеко вокруг себя. Это здесь-то! В Колыбели Чумы! Никак паладин пожаловал? Когда-то я был бы польщен. И даже сейчас бы с радостью позабавился поединком. Если бы не Ури.

Пальцы четко и быстро делают свою работу, чем бы ни была занята голова. Сначала щит. Самый прочный — я знаю мощь паладина. Сеть на всю площадь! Виски сначала ломит от напряжения, потом пронзает раскаленной иглой. Пусть! Бредень быстро приносит улов: дюжины две серых огоньков. Эти при жизни были посильнее, потому и не успели рассеяться до конца. Тугие потоки силы черными змеями струятся с пальцев, ползут по площади, находя цели. Две дюжины целей...

Я старательно обхожу тусклое сияние над телом Ури. Торопливо полосую запястье, чтобы начертить знаки влас-

КОЛЫБЕЛЬ ЧУМЫ

ти прямо на камнях. Отползаю от рисунка. А потом шепчу заклинание, прижимаясь к стене, пока жгучий поток света рвется в мою сторону. Низкий голос гремит над площадью, выпевая слова молитвы. Где-то наверху ему тревожно отзываются колокола собора. Кожа горит, волосы встают дыбом и трещат, но щит пока держится. Хорошо, что сижу, — ни за что не удержался бы на ногах. И хорошо, что, пока паладин поливает меня магией, остальные не рискнут приблизиться. А ну как эманации святоши обнаружат в душах соратников грех? Свет такого накала жжет не хуже кислоты. Или очистительных костров Инквизиториума...

Да когда же ты иссякнешь, сволочь? Из ноздрей теплыми противными струйками течет кровь. Когда-то у меня была привычка от боли закусывать нижнюю губу. Но обучение некроманта — такая вещь, что никаких губ не напасешься... Я терплю, терплю, терплю... Терплю до тех пор, пока смертельное сияние не тускнеет — даже паладину надо перевести дух. И, поймав мгновение, отпускаю две дожины туго натянутых нитей, что держал все это время!

— Тварь! Мразь нечистая!

Ну, просто музыка для слуха... Усмехаюсь окровавленными губами, наблюдая, как поднимаются — чуть неуклюже, но с каждым мгновением все увереннее — мои орудия. Ковыляют, протягивая оголившиеся кости рук, оставляя ошметки слизи и гнилого мяса. Настойчивые, неотвратимые, как сама смерть...

И, разумеется, у арбалетчицы не выдерживают нервы. Вряд ли церковные псы показывали своей сучке, натаскивая на охоту, как выглядит атака толпы умертвий. Может, одного-двух... Истошно визжа, она срывается с места. Второй — теперь я их вижу обычным зрением — догоняет, схватив, прижимает к стене...

— Нита, стой! Стой, тебе говорят! Они тебя не тронут!

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

Тут он прав, как ни жаль. Амулеты защитят от прямого прикосновения тлеющей плоти. Но на площади достаточно палок... И камней... Да и оружие у некоторых мертвецов имеется. Рыдающая девка вжимается в стену за спиной крепкого мужика, тот умело отбивается глефой. Умертвия кружат вокруг, падают, когда удачный замах отрубает голову, но их слишком много. Вот и славно! Хорошо, когда все при деле...

Наверное, паладин со мной согласен. Не пытаюсь помочь соратникам, он выпрямляется и идет ко мне, широкими тяжелыми шагами пересекая площадь. Легкие латы, белый плащ с аллой стрелой в круге, горящий верой и ненавистью взгляд. Сияние от него такое, что глазам больно, голос громыкает, и его молитва рвет попавшегося на пути мертвяка в клочья. Криво улыбаясь, я встаю на ноги, глядя, как он приближается. Много чести — шагать навстречу.

— Изыди, исчадие!

— Проклятого, — любезно подсказываю я. — Ты забыл добавить.

Больше не успеваю сказать ничего. Пробужденный амулет вспыхивает маленьким солнышком. Щит выдерживает, но меня сбивает с ног и впечатывает спиной в стену. А стоял бы от нее дальше — и летел бы дольше. Бесплезный амулет падает в сторону, церковник выхватывает еще один.

— Некромант Грель Ворон! Благодатью...

Договорить он не успевает. Я поднимаю левую руку, плотно прижимаясь к стене, вливая в нее всем телом. Небеса небесами, но надо же и под ноги смотреть. Он ступает на капли уже подсохшей крови, прямо посреди знаков, держа в латной перчатке разгорающийся амулет. Лучше просто не придумать! Между нами шагов пять, не больше. Я выпле-

КОЛЫБЕЛЬ ЧУМЫ

ываю слово и прикрываю лицо правой рукой. Польша так, что даже это не спасает, — белая вспышка просачивается сквозь пальцы и веки, обжигает лицо. Медленно отвожу руку. На противоположной стороне площади остаток умертвий вяло атакует девчонку, изо всех сил машущую тяжелой для нее глефой. Вояка, скорчившись, лежит позади нее. Надо же, не сбежала... Вот теперь можно и прогуляться.

Под ногами скрипит пепел. Поворошив его носком сапога, с наслаждением пинаю бесполезный кусочек серебра — единственное, что осталось от паладина в столкновении стихий.

Дальше все просто. Так просто, что даже противно. Через пару минут арбалетчица, надежно обездвиженная, сидит у стены, полосую меня ненавидящим взглядом. Соплячка, не старше Ури. И волосы такие же светлые, будто в одной деревне родились. Сердце давит тупая боль...

— Говорить будете сразу или потом? — интересуюсь у обоих.

Упрямо поджатые губешки, вытаращенные голубые глаза наливаются прозрачным...

— У вас что, мужики закончились? — поворачиваюсь к церковнику.

Не так уж ему и плохо. Несколько неглубоких ран, укусы. Если сейчас полечить — жить будет. По крайней мере, пока свое слово не скажет госпожа Чума. Или у них и от нее защита есть? Точно, вот... Деревянные стрелки так и лучатся знакомым спектром. Нагляделся, пока Ури работал. Аккуратно режу кожаные тесемки, сжимаю их в ладони, позволяя деревяшкам покачаться в воздухе перед глазами парочки.

— Ну так что?

— Да плевать, — отзывается вояка. — Пока заболеем, ты нас сотню раз убьешь.

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

Неглупый. Смелый. Или очень жадный, если наемник. Сунуться в Колыбель Чумы, место, с которого началась эпидемия, — чего-то да стоит.

— Убью, — киваю я. — Но быстро и без боли, если скажете, кто вас навел. А если не скажете — позавидуете вот этим.

Киваю на умертвия, что вяло копошатся рядом. Если белобрысая что-то и знает, то разве случайно. В глазах у нее настоящая паника. Матерый волкодав только зубы сжимает, глядя мне в лицо.

— Решили попасть в рай как мученики? — ласково спрашиваю я. — Вынужден огорчить. Рая не будет. Вы убили моего ученика...

Сажусь прямо на покрытый остатками гниющей плоти камень, чтобы заглянуть — лицо к лицу — в глаза церковника.

— Не будет ни рая, ни покоя. Сейчас я подниму пару мертвяков, и они будут вытворять с твоей подружкой такое, что ты представить не можешь. Такому ни в одном борделе не учат, уверяю тебя. Потом еще двух-трех... И еще... А ты будешь смотреть. Долго смотреть... И слушать... Пропущу ее через всех, кто тут не развалился на кости. А когда устану от воплей и зрелища, позволю ей себя убить. Как ваш бог встречает самоубийц, тебе напомнить?

Чужая усмешка, холодная и мерзкая, сводит мне губы, пока говорю. Соплячка тихонько ахает, пытаясь вжаться в стену, продавить ее насквозь. И, кажется, даже вояку проняло. Давний шрам на переносице белеет, лицо начинает дергаться. Я продолжаю:

— Потом, если не поможет, эти добрые люди, при жизни столь преданные вашей церкви, займутся тобой. Им наплевать, что ты не девка. И все равно, кого рвать на куски. А когда сдохнешь, ты к ним присоединишься. Я постараюсь, чтобы душа задержалась в твоём теле. Бу-

КОЛЫБЕЛЬ ЧУМЫ

дешь чувствовать каждую минуту разложения, каждого червя, крущего твоё мясо...

Немного рискуя, конечно. То, что я обещаю сделать с белобрысой, невозможно чисто технически: умертвие могут разорвать человека заживо, но плотское желание — привилегия живой плоти. Оставить душу в мертвом теле не выйдет и подавно. Паладина напугать этим я бы не смог: проклятые ублюдки от союза магии с религией неплохо разбираются в теории. Ну, так паладина здесь и нет... А пачкаться я не хочу.

Будь церковный волкодав один, пришлось бы повозиться. Ненависти у него в глазах на троих. Злость пополам с беспомощностью — посмотреть приятно. И, похоже, не наемник. Тем на своих обычно плевать, а со мной он бы сразу попробовал договориться. Но когда соплячка начинает тихонько подвывать от ужаса, глядя на подползающего по моему жесту мертвяка, её напарник ломается.

Он просит меня поклясться: сдавленный голос звучит глухо и покорно, взгляд волкодав прячет. Я клянусь. Клянусь не делать ничего из того, что обещал, и вообще не прибегать к магии. Конечно, имени он не знает. Скорее всего, имени не знал и погибший паладин. Но мельком увиденной приметы мне достаточно, чтобы сложить два и два. Не так уж много людей знало о нашей с Ури вылазке...

Я киваю почти с благодарностью. А потом, чтобы не заорать от боли и ненависти, сжимаю в ладони заговоренные стрелки, кроша сухое дерево в мелкие щепки. Затем развязываю девчонку, вручая ей арбалет. Второй кидаю вояке. И объясняю положение дел. Ухожу не оглядываясь, не опасаясь болта в спину... Я не смелый, просто у меня очень хороший щит и они его видели в деле...

Тело Ури лежит там, где я его оставил, магия, поднимающая мертвецов, моя магия, тщательно обошла

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

его стороной. Я сажусь рядом, запускаю окровавленные пальцы в длинные светлые волосы и замираю на несколько долгих ударов сердца.

— Ури... Мальчик мой... Прости... Я должен был запретить... Но я так боялся, что это тебя сломает... Он заплатит за твою смерть. Непременно заплатит... Клянусь...

Осторожно расстегиваю куртку, словно могу потревожить раненого, вытаскиваю из нагрудного кармана большой, слабо светящийся пузырек. Чума пришла достаточно давно, чтобы мы — те, кто знал, — успели принять меры для защиты. Ури пошел дальше. Он сотворил исцеление. Простые, как и все гениальное, чары. Выпусти их — и источник болезни обернется спасением. Нужно лишь попасть в место, где началась эпидемия. Покинутый город, чье название не произносим даже мы. Ури был гением. И он до сих пор жалел людей. Очень вредное сочетание для ученика некроманта. Но я не смог отказать, когда мальчик захотел испытать свое творение. Провести портал в Колыбель Чумы, город без единого живого человека, выйти, разбить пузырек, вернуться обратно... Что может быть проще и безопаснее? Я пошел с ним лишь ради того, чтобы разделить минуту его триумфа да помочь с порталом. Что мне за дело до людей и их Чумы?

Студеный ветер шевелит светлые пряди, несет по площади пепел... Стекло бутылочки холодит пальцы. Я хорош в своем деле, но таким, как Ури, мне не стать никогда. В девятнадцать он создал средство от чумы. Что бы он еще принес в этот мир? Мир, который его убил.

С другого конца площади слышится сухой щелчок. Да, самоубийцам путь в их рай заказан. А чума убивает медленно и мучительно. Эти двое пробыли в ее Колыбели

КОЛЫБЕЛЬ ЧУМЫ

достаточно долго, чтобы пропитаться заразой насквозь. И дело только в выборе: кто из них поможет другому уйти быстро и без боли, оставив себе отвратительную смерть... Кто подарит товарищу желанную участь мученика, обрекая собственную душу на посмертную кару убийцы? Пожав плечами, я все же поднимаю голову. Мне любопытно... Серебристый огонек девчонки тускнеет, рассеиваясь. Интересно, пришлось ли ей умолять или спутник сам сделал выбор? На самом деле не так уж и интересно.

Поднимаюсь, все еще держа в застывших пальцах пузырек. Портал колышется в двух шагах, приглашая... Ури так мечтал об этом... Мне нет дела до их жизни и смерти, их бога и их чумы. Они не заслужили ни прощения, ни пощады! Но он был моим учеником. И выполнить его желание — все, что я могу сделать. Месть — для меня. Но для Ури — это. И никто никогда не узнает, почему ушла Чума, верно? Резкий порыв ветра кружит пепел, приносит печальный звон колоколов мертвого собора... Ни их Свет, ни моя Тьма не могут решить за меня. Я разжимаю пальцы, и спустя мгновение тонкое стекло разлетается вдребезги на каменной мостовой Колыбели.

*Где-то на северо-западе Арморики, Звездные холмы;
кэрн Дома Боярышника
Полнолуние самониоса, 17-й год Совы в правление
короля Конуарна из Дома Дуба*

В темной комнате горит огонь. Трещит, рассыпаясь золотыми искрами, облизывает изнутри каменные стенки очага. Иногда тянется языком пламени наружу, и тогда сидящий перед очагом протягивает навстречу пальцы — огонь, словно испугавшись, отдергивается от них, прячась обратно в очаг.

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТЬ

— Даже пламя боится холода в моей крови, — тихо говорит сидящий, отбросив назад длинные пряди распущенных седых волос.

— Огонь останавливают огнем, — негромко отвечают ему из темного угла. — И в тебе еще достаточно собственного пламени.

— Не лести, — усмехается тот, кто смотрит на огонь. — Я позвал тебя не для того, чтобы слушать утешения. Мое время уходит.

— Я слушаю, — отвечает темнота.

— Тем, кто стоит на пороге, видны обе стороны. Я смотрел назад, где остаются они, и вперед — куда уйду я. Мир колеблется. Мир на грани. В этот Самайн начнет то, чему лучше бы не случаться...

— Я слушаю, — снова откликается темнота, когда он замолкает.

— Трижды бросал я руны на прошлое, настоящее и грядущее. И трижды выпадали ворон, сломанная ветвь и колесо. Но голос рун молчит для меня.

— Так ли это? — спрашивает темнота.

— Это так. И не говори мне о том, чья ветвь сломана. Я не хочу слышать.

— Тогда мне придется молчать, — говорит темнота.

— Он мертв для сидхе. Ветвь отделена — ей не прирасти снова на то же место.

— Сломанные ветви, бывает, пускают корни, — шепчет темнота. — Но, став деревом, ветвь остается собой. Из дуба не вырастет яблоня, а из омелы — шиповник. И боярышник все равно будет...

— Замолчи, — роняет сидящий у очага.

— Молчу, — равнодушно соглашается темнота.

И снова только огонь что-то бормочет на языке треска и искр, пока сидящий возле него снова не размыкает

КОЛЫБЕЛЬ ЧУМЫ

сухие губы на желто-сером, словно пергаментном, лице. Тот, кто увидел бы его сейчас, мог бы принять за человека, но у людей не бывает глаз, сияющих в темноте.

— Не так я хотел бы уйти. Не на ложе, больным и слабым, окруженным стервятниками и сухой листвой мертвых побегов. Мой дом — великий дом сидхе — гибнет.

— Ты велел мне молчать, и я молчу, — говорит темнота.

— Говори.

— Сломанная ветвь может пустить корни. И если на нее сядет ворон, колесо повернется вновь.

— Или нет?

— Или нет, — соглашается темнота. — Самайн грядет. В крови, тьме и кличе Дикой Охоты. Великий Самайн, открывающий врата вечности. Кто-то уйдет в эти врата, но кто-то может и явиться.

— Я сам сломал эту ветвь и иссушил ее. Никогда ей не пустить корни, — молвит сидящий у очага.

— Кто знает... Мир вращается в Колесе. Все еще крутится. И меняется с каждым поворотом. Сделанное тобой кто-то может и отменить.

— Так ли это? — спрашивает сидящий у очага.

— Это так, — отвечает темнота. — Но все имеет свою цену.

— Назови ее.

И темнота смеется сухим шелестящим смехом. Она смеется и смеется, а плечи сидящего у огня сгибаются все ниже, словно боль терзает его изнутри.

— Назови цену, — шепчет он наконец. — Назови ее...

— Брось руны еще раз, — шелестит темнота. — Без мыслей, без надежды на тот ответ, которого ты жаждешь.

Дотянувшись до сморщенного мешочка из светлой кожи, сидящий у очага встряхивает его в дрожащих ладонях и, не удержав, роняет. С тихим стуком кусочки

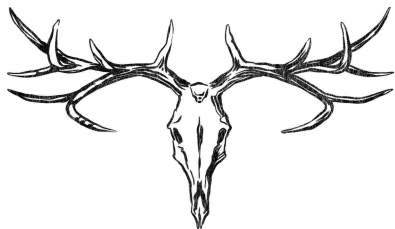
ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

дерева катятся по каменным плитам. Замерев, сидящий у очага смотрит на них. Пустая, пустая, пустая... Гладкие, словно только что выструганные и еще девственно-чистые деревяшки рассыпались на полу.

— Видишь, — шепчет темнота, — не мне назначать цену. Но ты волен определить ее сам, когда придет время. Сможешь найти среди этих рун Ворона? А Сломанную ветвь? Отыщи Колесо... Не можешь? Тогда жди. Ты дождешься, обещаю. Я даю тебе время. Ты увидишь, как мир дрогнет, когда Колесо повернется. И уйдешь так, как захочешь. А я подожду. С тобой было весело, Боярышник из рода Боярышников, и я умею благодарить за веселье. Но ты — не благодари. Успеешь...

Тишина. Только огонь обиженно трещит про что-то свое. Может, про то, что тьма в комнате сгущается и из угла веет холодом, словно кто-то открыл дверь, уходя куда-то в очень холодное и темное место, из которого теперь дует и дует ледяной темный ветер. Но вот сидящий у огня поднимает голову, снова протягивает пальцы к огню, как к живому зверю, — и тот не отдергивается, приникая ласково и покорно, облизывая их — и не обжигая.

— Я подожду, — соглашается сидящий у очага, собирает пустые руны и забрасывает их в огонь. Яростно вспыхнув, пламя озаряет изборожденное глубокими морщинами лицо, на котором живы только глаза.

Глава 1
ДОЛГАЯ НОЧЬ САМАЙНА.
ДО ПОЛУНОЧИ

*Западная часть герцогства Альбан,
баронство Бринар
31-й день децимуса, год 1218-й
от Пришествия Света Истинного*

Когда я попаду в преисподнюю, там будет холодно. А еще темно и мокро, в точности как сейчас. И дождь... Ледяной, бьющий в лицо, пробирающий до костей студеным ветром. Ненавижу, когда дождь, ночь и дорога — вместе. До Стамасса еще миль десять, кожаный плащ давно не спасает от сырости, волосы липнут к лицу, одежда не греет, а забирает последние крохи тепла. Проклятый дождь, проклятая дорога, проклятая осень... Преддверие Самайна — время тьмы и холода.

И надо же было архиепископу Арморикскому припереться в Стамасс именно сейчас! Использовать портал теперь не выйдет: Инквизиториум накрыл срединную часть герцогства плотным куполом, чтоб никто не подобрался к его светлейшеству, используя нечестивую магию. В город меня после тушения огней тоже не пустят,

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

да и нечего делать волку на собачьей свадьбе. Значит, ночлег надо искать ближе. Дюжину лет здесь не был, но повороты и перекрестки не путаю: тусклые огни пробиваются сквозь мглу, когда я уже всерьез обдумываю, как проломить купол, не подняв по тревоге всех церковных овчарок поблизости.

В трактире тепло. После промозглой сырости снаружи это настоящее блаженство. Если бы еще не запах... Зал с низкими прокопченными балками забит народом. Едва переступаю порог, перехватывает дыхание и начинают слезиться глаза: крепко воняет псиной, тухлой рыбой, дымом и кузнечной гарью, гнилью, мочой и просто застарелым потом. Я с трудом пробираюсь к свободному месту, стараясь поменьше соприкоснуться с людьми. Может, среди этого сброда затесалась парочка умертвий? Ничуть бы не удивился, очень уж запахи знакомые. Опять же Самайн на дворе.

Впрочем, умертвия ни при чем. От мокрых кожаных плащей, грязных тел и волос воняет даже хуже, чем от трупов. Неужели Свету Единому настолько не угодна чистота? Могу понять смысл умерщвления плоти, это действительно смещает баланс в сторону души, но почему так? Не постом, не целомудрием, не отказом от зависти, гнева и прочих страстей. Нет, святость у них начинается с вони и чесотки. Бред. Желай их бог именно этого, не косил бы свою паству болезнями. А холера вспыхивает все чаще, не говоря уж о язвенной заразе и моровой чуме...

Опускаюсь на скамью в темном углу между очагом и дверью, дергаю за рукав пробегающую мимо девчонку с подносом. Ошалело кивая, она слушает, уносится, и через пару минут передо мной стоит глиняная миска с горячей похлебкой из мяса и бобов. А еще нераспечатанная бутылка вина, копченая курица и несколько ле-

Долгая ночь Самайна. До полуночи

пешек. Ложку приходится вытереть о подкладку плаща, но похлебка, как ни странно, вкусная. Горячее варево быстро согревает тело. Только чеснока столько, что во рту начинается пожар. Но так даже лучше, хоть немного перебивает трактирную вонь. Да, отвык я от этого. От еды, дешевого вина, грубой одежды, запахов. Свысока смотрю. Брезгаю невымытой посудой... Или все дело в том, что я просто отвык от людей?

Компания рядом хлещет вино и бурое пиво с таким азартом, что я почти завидую. Под куртками и плащами — кожаные доспехи, на простых поясных ремнях — длинные ножи. То ли солдаты, то ли разбойники. Невелика разница, кстати. От гомона в зале уши закладывает, каждый старается докричаться до соседа. Но у этих за столом особенно шумно. Да и близко они, так что не нужно даже прислушиваться, — пронзительный голос режет спертый воздух, как свиной визг:

— А я тебе говорю, есть там призраки! Один уж точно — сам старик, хозяин замка!

Ну да, Самайн же — время страшных историй. Как ни стараются священники, вытравить память из народа нелегко. Не зря же люди в будничный день гуляют, как перед Окончательной Благодатью. Вот и страшилки в ход пошли...

— Сказки все это...

— И ничего не сказки! — горячится рыжий паренек в синем шерстяном плаще. — Мне лесничий барона Бринара рассказывал! В лунные ночи старик ходит по стенам замка, ищет договор, который потерял. А договор — на его сына, проданного Проклятому. Оттого и весь замок Энидвейт проклят, что его наследника забрал Нечистый. И, пока младший Энидвейт не вернется, блуждать его отцу после смерти, не зная покоя...

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

Медленно ставлю бутылку на стол, так и не откупорив. Вот оно, значит, как. Что ж, кому и знать эту историю, как не людям Бринара... Хорошая сказка – в самый раз для Самайна. Проданные души, призраки, договор с Проклятым... И светлый Инквизиториум, как же без него! Твари... Тупая мразь, кичащаяся своей непорочностью и благочестием. Знать не знающая, что такое жить под тяжестью проклятия... Ненавижу. Не сорваться бы. Сейчас это совсем некстати. Не то время, не то место, чтоб сводить счеты с прошлым.

А рыжий, завладев вниманием всего застолья, упоенно вещает:

– Когда барон решил заполучить Воронье Гнездо, он подкупил королевских судей, и те решили тяжбу со старым Энидвейтом в пользу Бринара... А наследник его – не помню, как звали, – был отмечен печатью Проклятого, только тот не мог забрать свою собственность, пока юноша ходил к светлому причастию и на службы... Мать его была ведьмой... Отец заключил договор... А явился Проклятый в облике огромного ворона...

Слышно мне не все, но и того, что долетает сквозь трактирный гул, более чем достаточно. Даже один из слушателей не выдерживает:

– Ну, это точно враки! Как может ворон унести пятнадцатилетнего парня? Он что, с лошадь был, этот ворон?

– Нечистый и не то может, – чеканит рыжий. – Не зря же вся семья Энидвейта поплатилась за этого выродка... Его мать-ведьма...

Я накидываю капюшон, спрятав под ним приметные черные волосы и большую часть лица, чтоб не навели кого-то на ненужные мысли, когда буду проходить мимо. Сгребаю в сумку мясо, хлеб, так и не открытую бутылку. Надеюсь, дождь уже перестал. А может, и нет. Плевать.

Долгая ночь Самайна. До полуночи

Если выехать сейчас, к рассвету можно добраться до Маглорского моста, а там и граница герцогства недалеко. Может быть, действие купола закончится даже раньше... Подзываю девчонку-разносчицу и выкладываю на стол пару серебряных монет.

— Господин уже уезжает? — поражается она, невыносимо медленно копаясь в карманах засаленного передника. — Но на улице ночь. Сегодня плохое время для дороги, ваша милость...

— Оставь сдачу себе.

Еще бы не плохое. Только сумасшедший пустится в дорогу, когда по земле гуляют духи Самайна. Сегодня их ночь. Открываются холмы сидхе, разверзаются могилы и склепы, переплетаются миры и судьбы. На дороге можно повстречаться с кем угодно: покойником, блуждающим духом, фэйри... А то и с кем-то из древних богов, если сильно не повезет.

Подхватив сумку, быстро выхожу в дверь, оставляя позади трактирную вонь, крики выпивох, испуганно вытаращенные глаза служанки. Эта сказка Самайна — не для меня.

Вряд ли мой Уголек, привязанный под навесом у переполненной конюшни, успел отдохнуть, но тут уж ничего не поделаешь. Конюх даже напоил его и приткнул к столбу охапку сена. Сообразил, наверное, что от хозяина дорогого эшмарского жеребца можно получить больше обычного медяка за усердие. Только вот его самого рядом нет, хоть всю конюшню уводи. Тоже празднует, что ли? Подтянув подпругу, я протягиваю коню хлеб и терпеливо жду, пока бархатные губы снимают краюшку с ладони. Потом, положив монету на край яслей, отвязываю повод и вскакиваю в седло. Уголек недовольно фыркает — ночной холод не нравится и ему.

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

Ничего, потерпим. Я тоже хочу домой: к любимому креслу перед жарким камином, библиотеке, горячему вину со специями. И к лаборатории, конечно. Денег, полученных сегодня за несложный, но грязный алхимический заказ, хватит на несколько действительно интересных экспериментов... Выезжая за ворота, я почти верю себе, что просто хочу вернуться в убежище.

Дождь действительно перестал, но небо по-прежнему затянуто пологом тяжелых осенних туч, отчего ночь кажется густой, вязкой. Резкие порывы ветра бьют то с одной, то с другой стороны, холод мгновенно забирается под влажный, тяжелый плащ. Зато дорога совершенно пустынна: даже Псы Господни сегодня не высунут носа за порог. Миля... Еще одна... И еще... Не заблудиться бы. Глупо, Грель. Можно уехать из трактира, подальше от пьяной болтовни, но от себя не уйдешь... Ветер все сильнее, чернильную тьму впереди прорезает яркая вспышка. Ну вот, только грозы не хватало!

Раз... два... три... четыре... десять... Может, грозу пронесет мимо?

Грохот обрушивается с такой силой, что я невольно пригибаюсь в седле, а Уголек испуганно храпит и мотает головой. Пара миль до того места, где ударило. Далеко. Пока еще далеко... Вернуться в трактир? Нет уж... С трудом удерживая танцующего на месте коня, вспоминаю дорогу. За двенадцать лет деревянная часоуенка могла развалиться или сгореть. Но если цела — там можно переночевать. Значит, еще немного по дороге, а потом в лес.

Бело-голубое сияние вновь заливает холмы, петляющую дорогу, редкие деревья. Раз... два... три... восемь... Удар! Стоит поторопиться. Тучи полыхают молниями все чаще. И гроза ближе: между следующей вспышкой

Долгая ночь Самайна. До полуночи

и раскатом грома я успеваю сосчитать лишь до пяти. Каменный столб, отмечающий поворот к часовне, как живой, выскакивает из тьмы. Несколько мгновений я еще колеблюсь, ночной лес хмур и неприветлив. А потом, после приглушенного деревьями громухания, по всему телу прокатывается волна страха, еще раньше, чем слышится многоголосый вой охотничьих рогов. Проклятье! Уголек встает на дыбы — я еле успеваю развернуть его в нужную сторону. Взбесившиеся ветки летят навстречу, конь хрипит и рвет уздечку, пугаясь старой, заросшей дороги...

Теперь выбора не осталось точно. Фэйри-одиночек я не боюсь, а повстречай призрака или мертвое — только посмеялся бы. Но Дикая Охота — дело другое. Обычный человек, оказавшись на пути у темной своры, может упасть ничком, заткнуть уши и переждать беду. Если повезет — Охота пролетит мимо, обдав ледяным ужасом и оставив на память седину в волосах. Неудачника подхватит с собой, закружит и унесет до утра. А вернувшись домой, прежним он уже не будет... Вспоминать ему до конца дней безумную скачку над землей наперегонки с бешеным ветром и смертью. Но если с Охотой столкнется чародей... это добыча лакомая и редкая. Мне совсем не улыбается стать игрушкой в холмах сидхе. А между мной и грозой — предвестием Охоты — меньше мили. И потому — вперед!

Протяжный вой рогов теряется вдаль, но по телу все равно катятся волны дрожи. Керен говорил, что зов Дикой Охоты состоит из двух звуков. И тот, который не слышат человеческие уши, куда опаснее. Это он заставляет выть собак и беситься лошадей. Что ж, чувствуя коленями, как вздуваются бока Уголька, я верю в слова бывшего наставника.

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

В лесу темно и холодно. Полная луна с трудом пробивается сквозь тучи, и тропу еле видно. А еще меня преследует ощущение взгляда в спину. Оно до того сильное, что я прикрываю глаза, сосредотачиваюсь и мысленно скольжу на другую сторону Тени. Здесь все серо и мутно. Серебристые скелеты деревьев ровно светятся в полумраке, кое-где видны крошечные огоньки птиц и мелких зверюшек. Никого! Но между лопатками чешется, словно кто-то глядит поверх стрелы на уже натянутой тетиве. Или это от Рога Охотника такое чувство?

И я тороплюсь. Уголек фыркает, но теперь идет спокойно и быстро — у эшмарцев отличная выучка. До часовни мили полторы, не больше. Она стоит на месте старого капища, разоренного пару столетий назад, и это хорошее место, чтобы переночевать. Для меня — уж точно хорошее. Здесь камни еще помнят старую силу, которую новый бог так и не сумел приручить.

Тропа утоптана. Интересно, кто сюда ходит? И зачем? Когда за рекой построили большой монастырь, служить в часовне сразу перестали. Древний лес вытолкнул из себя чужаков, как плоть выталкивает занозу с гноем.

Молния режет небо почти над головой! Раскат! Я изо всех сил натягиваю узду, Уголек пляшет, рвется вперед, и следующая вспышка высвечивает черный силуэт часовни посреди большой поляны.

Петля поводка удобно ложится на столбик у полуразваленного крыльца, я успокаиваю лошадь чарами — заодно и отдохнет лучше. Запах сырости от деревянной стены, провалы узких окон, скрипучее крыльцо. Переступив порог, я замираю не больше чем на мгновение. Щит!левой рукой — мгновенную защиту, прижавшись спиной к дверному косяку; правой — светляка под потолок! Темная фигура, скорчившаяся на полу у алта-

Долгая ночь Самайна. До полуночи

ря, сдавленно вскрикивает. Та-а-а-ак... Прикрываясь щитом, обшариваю пространство часовни колдовским взглядом. Человек. Один. Свечение ровное и ясное, никаких амулетов, заклятий, только блестит искра натальной стрелки. Точно — человек. Не фэйри, не покойник. Уже хорошо. Шагаю вперед и возвращаюсь к обычному зрению. Мой светлячок разгорается сильнее, освещая всю часовню.

Вот оно как... Огромные светлые глаза, наполненные страхом, смотрят на меня с перепачканного грязью лица. Толстые рыжие косы вот-вот расплетутся, несколько прядей уже выбились наружу, в них запутались сухие листья. Плотно сжатые губы. Темный шерстяной плащ с меховой опушкой испачкан внизу грязью. Она сюда пешком пришла? Одна? Сегодня?!

Делаю шаг вперед, и женщина еще сильнее вжимается спиной в деревянный алтарь. Да уж! Меня и днем-то можно испугаться.

— Кто вы, госпожа?

Молчит. Но стоит мне сделать еще шаг — в руке незнакомки блестит лезвие длинного охотничьего ножа. И держит она его хорошо, правильно держит. Ну, если ей так спокойнее — пусть.

Пробую еще раз:

— Откуда вы тут взялись? Говорить умеете?

Она тихонько кивает. Значит, просто боится? Блестящие глаза внимательно изучают меня с ног до головы. Вряд ли осмотр ее успокоит. Выгляжу я наемником или бездоспешным рыцарем. Не лучшая компания для женщины ночью в лесу. А если еще добавить огонь под толчком...

— Я вас не трону. Не бойтесь.

— Почему я должна вам верить, господин?

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

Вот и голос прорезался. Приятный голос, кстати. В меру низкий, мелодичный, с легкой хрипотцой. И выговор не местный.

— А что вам еще остается? — усмехаюсь я, присаживаясь на останки скамьи в нескольких шагах от нее. — Сегодня ночь Самайна. Не то время, чтобы чинить кому-то обиду.

— Вы... чтите старых богов?

— Я помню, что это их земля. А теперь говорите, откуда вы взялись и что тут делаете?

Она еще плотнее сжимает губы, с вызовом глядя на меня. Красотка с характером.

— Госпожа, я не оставлю рядом с собой в такую ночь неизвестно кого. Не хотите говорить — выставлю вас наружу, — спокойно сообщаю, любуясь сердито сверкающими глазами. А она уже далеко не девочка. Лет тридцать? Пожалуй. Кожа еще молодая, и губы пухлые. Но в уголках глаз морщинки. И какое-то странное ощущение от ее внутреннего сияния: словно оно временами двоится, бросает отблеск. Ведьма? Нет, что-то иное.

— Вы... Вы же обещали!

— И что? — лениво интересуюсь я. — Зла вам я не причиню. Просто ночевать будете снаружи.

Она косится на мой светляк и заметно напрягается. Переводит на меня взгляд, светлые глаза смотрят жалобно и наивно. Слишком наивно.

— Я ехала на богомолье. В монастырь святого Матилина, он здесь совсем рядом. Но в лесу на нас напали. Какие-то люди в отрепьях... Наверное, разбойники. Моя лошадь испугалась факела и понесла. Я так боялась! Вцепилась в повод и держалась изо всех сил. А потом она устала и успокоилась. Только я заблудилась. Прошу вас, господин, кто бы вы ни были, не причиняйте мне зла...

Долгая ночь Самайна. До полуночи

В течение всей истории я смотрю на нее и улыбаюсь. И под этой улыбкой она смущается все сильнее, пока не замолкает, нервно теребя край плаща.

— Вам не холодно на полу, госпожа? — участливо осведомляюсь я наконец. — Говорят, ложь студит сердце...

— Что? Но почему...

Ее растерянность слишком сильна, чтобы быть настоящей, и я морщусь.

— Почему я вам не верю? Вы плохо меня слушали. Не знаю, откуда вы родом, но здесь ни один разбойник не поднимет руку на путника в дни и ночи Самайна. Старые боги не ушли, они все еще дремлют в холмах и реках этой земли. Сегодня вы можете постучаться в любой дом, и вас примут с радостью, потому что гость в Самайн — добрая примета и благословение от богов. Как никто и не откажется от гостеприимства. А теперь хватит врать, если хотите ночевать под крышей. Откуда вы пришли? Я не видел никакой лошади.

— Не ваше дело! Лошадь позади часовни, — огрызается она. А потом вздрагивает и сжимается в комок.

Ночь тиха. Так тиха, что я слышу дыхание незнакомки, неровное и прерывистое. Издалека доносится удар грома и долгий жуткий вой охотничьего рога. Вот же будь оно неладно! Я был уверен, что Охота пролетела мимо.

Женщина смотрит на меня пустыми глазами, на дне которых плещется ужас. А звук рога медленно, очень медленно приближается.

— Значит, шла на богомолье? — медовым от ярости голосом осведомляюсь я. — И случайно забрела в старую часовню на освященной земле? Дрянь! Что ты натворила? Дикая Охота никогда не возвращается по своим следам. Разве что дичь хорошо петляет!

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

Рванувшись вперед, я хватаю ее за руку с кинжалом, выворачиваю тонкое запястье и слышу звон падающей железки. Женщина снова вскрикивает, тонко, как раненая олениха.

— Прошу вас...

— Это не суд короля или Церкви, тварь! Охота преследует убийц, предателей и клятвопреступников. Чья кровь зовет месть на твою голову? Ладно, это и впрямь не мое дело, — внезапно успокаиваюсь я. — Пошла вон. Я не хочу погибать вместе с тобой.

— Нет, нет, нет!

Она мотает головой, вырываясь, бьется в моих руках, косы хлещут воздух. Сильное гибкое тело сопротивляется отчаянно, не желая умирать. Улучив момент, у самой двери она змеиным движением кусает меня за руку и, вырвавшись, вцепляется в косяк мертвой хваткой. Из открытой двери несет мертвенным холодом. Тихий, далекий пока еще звук рога, ушедший куда-то за часовню, отдается в костях болью.

— Я не виновата! Прошу вас! Я просто спасала своих детей! Он хотел принести их в жертву! Пощадите!

Мы застываем на пороге в подобии странных, извращенных любовных объятий. Мгновение слабости. Но она звериным чутьем ловит его и скулит, заглядывая мне в глаза:

— Прошу вас. Прошу! Помогите...

Я рывком отдираю ее от косяка и швыряю обратно в комнату, захлопнув за спиной дверь. Длинный плащ взматывается и цепляет обломанный край алтаря. Полы распахиваются, открывая светлое бархатное платье, отделанное кружевом. А грудь хороша — высокая и полная. Дорогое платье обрисовывает тонкую талию, амфору бедер... Не о том думаешь, Грель!

Долгая ночь Самайна. До полуночи

Она смотрит на меня огромными, широко распахнутыми глазами, в которых не то страх, не то что-то еще — некогда разбираться.

— Быстро! И не вздумай врать! Кто «он»?

— Мой муж, — шепчет она отчаянно, сжимая полы плаща в холеных, нежных руках. — Он колдун и чернокнижник. Я не знала об этом, когда выходила за него. Клянись, не знала!

— И он решил принести собственных детей в жертву? — недоверчиво переспрашиваю я.

Виски сводит глухая боль. Ну не забавно ли? Воистину, нет ничего нового под луной...

Женщина мотает головой:

— Нет, это не его дети. Я была вдовой. Эреку и Эниде четырнадцать. Они близнецы. Я... случайно подслушала разговор мужа с замковым священником. Думала... думала, он мне изменяет! А он хотел купить их душами милость Нечистого! Говорил: что удалось одному, то и у другого получится...

Порыв ветра тугим комком холода влетает в окно часовни. Факел бы точно погас. Но магическому светляку все равно: он сияет ровно и бесстрастно, ничуть не колеблясь. Но когда через то же окно врывается явно близящийся звук рога, даже светляк мигает. Охота очерчивает круг? Значит, дичь обречена.

— Вот как? Решил повторить удачную сделку? Да, близнецы — хороший товар...

Мои губы сводит гримаса. В горле встает горький плотный ком, и я с трудом проталкиваю наружу слова:

— А при чем тут Охота? Пусть вы его убили. А вы ведь убили его, да, госпожа? Почему они пришли за вашей головой? Разве вы венчались по старому обряду?

— Н-нет... Я выходила за него в церкви, как положено!

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

Она всхлипывает, по грязным щекам катятся слезы.

— Он говорил, что примет моих детей как родных. У него же не было своих! А теперь... теперь...

— Теперь вы понесли во чреве, да? — тихо подсказываю я, понимая наконец все. Вот откуда двойной отблеск ее души. — И чужие дети стали ему не нужны. О да, близнецы — редкость... Хорошая цена. А вы убили отца своего ребенка в канун Самайна. Хотите, я скажу, кто взывает к Дикой Охоте о мести? Ваше дитя. То, что вы носите сейчас. Вы выбрали плохое время, чтобы призвать смерть, госпожа. Мне жаль, но умирать вместе с вами я не хочу. Какого Проклятого вы не укрылись в монастыре?

Мне действительно жаль. Даже удивительно. Впрочем, что тут странного? Она спасала детей. Им повезло. Не всем так везет. Комок в горле разрастается, выпускает огненные щупальца в грудь, тянется к сердцу... Я не хочу ее жалеть. Я не должен! Пусть даже она и сделала то, что не смогла много лет назад другая женщина.

— Ну почему вы не пошли в монастырь? — безнадежно повторяю я, глядя, как мерцает от воя рога светляк под потолком. Близко! Так близко...

— Я не могла, — тихо отзывается она, вскидывая голову. — Я... столкнула его с лестницы. Он упал, но был все еще жив. Я... хотела добить его. И добила бы! Эрек... Он тоже все слышал. И он...

— Добил его вместо вас?

— Да. Они с Энни сейчас в монастыре. Я побоялась ехать с ними. Священник в замке, он был с мужем заодно. Я отправила детей, а сама осталась, чтобы помешать ему выслать погоню. А потом мне стало страшно. Так страшно! И я услышала охотничий рог...

Все верно. Охота всегда знает, где дичь. Но у дичи есть фора. И чутье ведет ее туда, где есть хоть какое-то убежи-

Долгая ночь Самайна. До полуночи

ще. Проклятье! Они же будут здесь через несколько минут! Неважно, что она была права. Кровь, пролитая в Самайн, всегда вызывает к крови. Он был отцом ее ребенка. Она увела Охоту от настоящего убийцы, но вина лежит и на ней. Трижды проклятье! Я стискиваю зубы так, что челюсти сводит болью. Часовня не устоит. Камни капища в ее основании возопят о возмездии и древнем законе. И дадут Охоте право войти. О да... Чтобы укрыться от Дикой Охоты — это неудачное место. Я поворачиваюсь к женщине, с мольбой смотрящей на меня.

— Вам придется уйти, госпожа. Мне жаль...

— Вы не можете, — беспомощно говорит она, и слезы продолжают литься. Без рыданий, без всхлипов. Просто крупные прозрачные капли катятся по щекам, блестя в голубоватом сиянии светляка. — Вы же не можете просто отдать меня им.

— Две жизни или одна — Охота не будет разбираться. Их ведет безумие, они жаждут крови и всегда ее получают. Эта часовня их не удержит. Задолго до того, как земля была освящена, она знала другой закон.

— Но вы же...

— Я чародей, а не самоубийца! — грубо обрываю я, делая шаг. — Или вы выйдете сами, или выкину силой.

Вой... Совсем близко. Внутренности скручивает болью. Страх, неправдоподобный, вне всякого рассуждения, заливают реальность вокруг, сгущают воздух так, что не вдохнуть. Кислый, острый, режущий легкие... От него хочется плакать, кричать и бежать в ночь, пока сердце не разорвется. Женщина ахает, хватаясь за живот. Плащ распахивается, и я вижу фибулу, которой он был застегнут. Плоский золотой диск с четким, искусно вырезанным гербом. Волк, воющий на луну. Нет... Так не бывает. Так просто не бывает... Даже со мной. Даже в Самайн! Да нет же!

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

Наверное, я говорю вслух. Или она что-то видит в моем взгляде, потому что из светлых, помутневших от боли глаз плещет ужас. Не отводя от меня взгляда, она тихонько пытается отодвинуться, как от бешеной собаки, что вот-вот кинется.

— Бринар? — четко и звонко выговариваю я непослушными губами. — Ты жена барона Бринара? И он мертв?

Ответа не нужно. Я читаю его в перепуганных глазах, дрожащих губах, бледной до прозрачности коже. Шагаю вперед на негнущихся ногах и глажу по холодной мокрой щеке женщину, которая убила Седрика Бринара. Женщину, которая носит его наследника, последнего из рода Бринаров.

— Хочешь жить? — мягко спрашиваю я ее. — Вернуться к своим детям, забыть этот ужас?

Она открывает рот, но лишь молча кивает, не отводя взгляда. О, еще бы она его сейчас отвела...

— Я тебя спасу. Уведу Охоту за собой. А ты отдашь мне своего ребенка, когда он родится. Конечно, если я сегодня выживу, — добавляю с усмешкой.

Несколько мгновений она недоуменно таращится на меня. Потом яростно мотает головой, прикрывая руками еще совсем плоский живот. Красивая, сильная... Барон удачно женился. Все эти годы, когда моя семья гнила в земле, он наслаждался жизнью. Сладко ел и пил, валял красивых женщин, считал себя победителем. Когда-то я отказался от мести, чтобы забыть, кто я. Оказывается, забыть нельзя.

— Тогда умрешь. И ребенок все равно умрет вместе с тобой. А тот священник обязательно доберется до твоих детей.

Она хватается за ртом, как рыба, выброшенная на берег. Но мне не жаль. Ничто на свете не имеет больше зна-

Долгая ночь Самайна. До полуночи

чения, кроме того, что прямо передо мной — только руку протяни. На миг мелькает мысль: просто убить ее вместе с ребенком. Но это не то. Совсем не то! И я улыбаюсь, глядя на отчаянье, слезы, перекошенный рот. Я бы пожалел ее за то, что она сделала. Правда, пожалел бы. Но не могу.

Волна неслышного звука накатывает неожиданно. За окном тонко и жалобно ржет привязанный Уголек. Боль пронизывает меня от макушки до пяток, заливая ужасом и отвращением. Я медленно и глубоко дышу, пропуская ее насквозь, не задерживая, позволяя уйти. А вот вдова так не умеет. И боль сгибает ее пополам, подтягивает колени к груди, вырывает хриплый стон.

— Это только начало, — нежно говорю я, садясь на корточки и заглядывая ей в глаза. — Когда Охотник вырвет твое сердце, ты будешь благодарить его за это. И твой ребенок — тоже.

— Зачем?

Она хрипло дышит, опираясь рукой на грязный каменный пол:

— Зачем он тебе? Тоже... в жертву?

Я даже фыркаю от нелепости предположения:

— Младенца для жертвы я могу купить почти в любой деревне. За золотой или меньше. Стоило бы жизнью рисковать...

— Тогда... зачем?

А она действительно сильная. Я только боюсь, чтобы не случился выкидыш. Бисеринки пота блестят на бледной коже, мешаются со слезами и вместе с ними стекают по щекам. Она облизывает сухие, только что потрескавшиеся темно-розовые губы и снова спрашивает:

— Зачем?

Я мог бы солгать. Но судьба, которая свела нас сегодня, не любит фальши и нечестной игры. И я снова про-

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

тягиваю руку и трогаю липкую от слез и пота кожу на скуле, убираю влажную прядь, прилипшую к щеке. На губах у нее крошечные капли крови.

— Он последний из рода. Помнишь, твой муж говорил о том, что у кого-то это уже однажды получилось? Двенадцать лет назад мой отец продал меня чародею за спасение всей семьи. Правда, это не очень помогло. Из всех остался в живых только я. Забавно, да? Я единственный наследник. Только вот у таких, как я, не бывает потомства. И род на мне прервется. А виноват в этом твой покойный муж, натравивший на мою семью инквизиторов. Я не успел рассчитаться с ним. Сам виноват, конечно. Но, если ты отдашь мне его наследника, Бринар перевернется в гробу. Обещаю, я не убью ребенка. Но сын или дочь Бринара не будут владеть его наследством, если я не могу владеть своим.

Она снова облизывает губы. Рыжие растрепанные косы метут пол. Я почти вижу, как проносятся ее мысли. Дитя колдуна и убийцы против жизни ее любимых старших. И ведь она может потерять его раньше срока. Или меня убьют сегодня. Или потом. Или удастся подменить ребенка на другого...

— Даже не вздумай, — ласково предупреждаю я, лениво протягивая между пальцами кончик ее косы. — За этой сделкой будет следить сама судьба. Я заберу ребенка на следующий Самайн, где бы ты ни была. А попробуешь обмануть — убью твоих близнецов. Или выходи к Дикой Охоте сама. Ну что, согласна?

Время останавливается, как стрела в полете. Та стрела, что вот-вот проткнет тебя насквозь. Говорят, на ней можно разглядеть каждое перышко, только сделать ничего не успеваешь. Я слышу, как бьется ее сердце. И как стучат призрачные копыта, высекая искры из ту-

Долгая ночь Самайна. До полуночи

мана. Смерть совсем рядом. Летит, неся шлейф безумия и ужаса...

— Да! — выдыхает она отчаянно.

— Сделка заключена, — торопливо соглашаюсь я.

Взлетаю с пола одним движением. Алтарь — пустое. В нем давно ни капли силы. Отшвырнув громоздкие обломки, тяну ее за руку на середину. Подхваченным с пола кинжалом рассекаю ладонь и кровью рисую вокруг съжившейся жертвы круг. Второй, вокруг себя, вычерчиваю острием кинжала. Не так сильно, но сойдет. Мне и нужно всего несколько мгновений отыграть...

— Закрой глаза, — велю ей. — И не вздумай смотреть на Охотника. А лучше сядь на корточки и спрячь лицо... Если у меня получится, отправляйся в монастырь и требуй встречи с аббатом. Расскажешь ему про своего мужа, только про нашу встречу молчи. За убийство колдуна тебя не осудят. Скажешь, что отсиделась в часовне. Круг перед уходом сотри — совсем, чтобы и следа не было. Лучше бы, конечно, часовню сжечь... И непременно расскажи про того священника. Ты все поняла?

Если она и отвечает что-то, то я не успеваю расслышать. Дверь вылетает, как от удара тарана. Сама тьма врывается в часовню. Такая плотная и густая, что можно резать ножом. Сгусток мрака и холода, средоточие зимней ночи и древнего ужаса, дремлющего в глубине каждой души. Фигура на пороге выше меня на две головы, а в плечах такова, что не проходит в дверь.

Мой светляк под потолком вспыхивает и меняет цвет на мертвенно-зеленый. Но это уже не мой светляк — чужая магия...

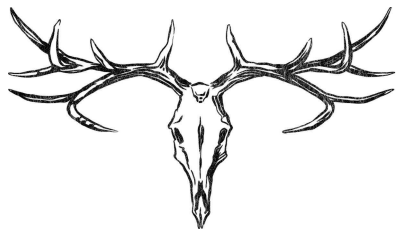
Охотник делает шаг, и дверной проем разлетается в стороны, чтобы потом собраться за его спиной, — освя-

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

ценное дерево боится коснуться древнего ужаса. Никогда такого не видел...

Огромные ветвистые рога венчают голову, как корона, длинные седые волосы спадают на плечи. Он одет в шкуры, сшитые и перетянутые грубым кожаным поясом. На поясе рог и кремневый нож в локоть длиной. Его сапоги перепачканы то ли бурой глиной, то ли старой кровью. Я готов рассматривать что угодно, лишь бы не поднимать взгляда к его лицу. Но у меня не получается. Тьма, холод, ужас и смерть смотрят из его глаз прямо мне в душу. Я хочу упасть на колени, а еще лучше уткнуться лицом в пол. Молить о милости и быстрой легкой смерти. Вырвать из груди собственное сердце своими же руками и поднести ему в дар. Потому что он — вечность... Но вместо всего этого я заталкиваю глубоко внутрь вопль, рвущийся наружу, глотаю вязкую горькую слюну и смотрю ему прямо в лицо.

— Доброго Самайна тебе, Великий. Я выкупаю жизнь этой женщины своей жизнью.

Глава 2

ДОЛГАЯ НОЧЬ САМАЙНА. ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

Голос хрипит и срывается. Стоящий на пороге смотрит на меня и на жертву в круге одновременно. Он видит каждую пылинку в проклятой часовне и слышит стук наших сердец, пляшущих в рваном ритме. За окном завывает буря, но как-то глухо, нестрашно. Трудно дышать. Его взгляд давит, как каменная плита, под ним хочется прогнуться назад, словно огромная рука толкает в сердце и голову...

— Я предлагаю свою жизнь за нее, — хрипло повторяю я. — Прими эту жертву.

В проеме позади него клубится тьма. Мелькают огни, оскаленные пасти, сверкающие красным глаза... Что, если я ошибся? Не хочу умирать. Не думать об этом. Нельзя думать...

— Что тебе до нее?

Грохот грома, шум леса, вой бури — вот что в этом голосе. Рычание дикого зверя, свист стрелы и лязг меча, шепот смерти за спиной — тоже в нем... Я и дышу-то еле, а надо говорить.

— Мы заключили сделку, Самайн — свидетель.

— Сделку? — медленно переспрашивает он. — И какая цена твоей жизни, человек?

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

— Это наше дело. Ты принимаешь замену, Великий?

Он несколько мгновений смотрит на меня. Сердце, до этого грохотавшее, как копыта лошади в галопе, почти останавливается. Потом снова начинает биться, но медленно, с трудом проталкивая вязкую кровь по сосудам. Хватаю воздух ртом, дышу с трудом... В глазах темнеет. Или это просто мой светячок иссияк, придавленный чужой мощью?

— Выйди из круга, человек, — гроыхает грозовой раскат.

«Выйди», — лязгает меч, ударяясь о щит где-то далеко, в невообразимой глубине времени.

«Выйди... выйди...» — шепчет лесная листва.

Я почти подчиняюсь. Почти делаю шаг из круга, навстречу манящим болотным огням его глаз. И только вскрик за спиной приводит меня в чувство. Дура, я же велел ей не смотреть! Но получилось кстати. Еще бы чуть — и вышел!

— Нет. Ты не пообещал мне, Охотник.

Серый камень скалы трескается от солнца и влаги. Узкая изогнутая щель в недрах камня — его улыбка...

— Да будет так. Третий раз предложишь ты свою жизнь — и я соглашусь. Выйди же из круга, и покончим с этим. Ночь слишком коротка, если она всего одна в году!

Но я упрямо мотаю головой, собирая остатки стойкости. Выйти сейчас — немедленная смерть. Не хочу умирать у его ног, разорванным на куски. Мое сердце — не для его ножа.

— Дай мне время. Я вправе просить об этом. Если верно то, что рассказывают о тебе, ты — Охотник, а не палач. Дай мне время уйти.

Колени дрожат, будто дня три не ел. Светячок почти погас, уже не сильнее свечки. Но я терплю. По каменно-

Долгая ночь Самайна. После полуночи

му лицу ничего не прочесть, лишь голос колышет стены часовни, и они дрожат от его гнева.

— Сколько времени ты хочешь, человек?

Ритуалы... легенды... сказки... Я вспоминаю все, что может помочь. Свечей здесь нет. Но есть сухие щепки...

— Пока горит лучина.

То ли он чуть умерил свою силу, то ли я начал привыкать, но дышать стало легче. Или я просто трачу последние силы, даже не замечая этого. Плохо. Что ж, сам напросился.

— Нет.

Охотник все-таки переводит взгляд с меня. Ловлю воздух, жадно дышу полной грудью, с которой убрали надгробную плиту.

— Ты, женщина, купившая свою жизнь чужой смертью. Знаешь ли ты старые песни?

— Да, господин.

Голос у нее тихий, напряженный, но не слабый. Сколько же в этой чужеземке силы? Бринар — болван. Ему бы на руках ее носить.

— Тогда ты будешь петь, — слышится рокот морской волны.

«Петь... будешь петь», — откликается горное эхо.

— И пока длится ее песня, можешь бежать, человек! — а это уже мне. Каждое слово отдается в ушах и по всему телу ударами кузнечного молота. — Но прозвучит последнее слово, и я спущу гончих. Хочешь ли ты по-прежнему купить ее жизнь?

— Да. Сделка заключена.

На губах соленый вкус и липкая влага. Похоже, кровь носом пошла. Я даже не знаю имени убийцы. Откуда она? И какие там поют песни? Долго ли она сможет терпеть дикую мощь, льющуюся из его глаз? И захочет ли...

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

— Да будет так! — роняет он тяжело. — Пой, женщина!
— Стой! — кричу я.

Рву застежку плаща, скидывая мокрую кожу на пол. Плевать на дождь, если лишний фунт веса может меня убить. Прямо через голову тяну кольчужную рубаху. Безмолвие. Вязкая тишина, хоть ножом режь. Давит, лезет в уши.

— Не выходи из круга! — напоминаю своей должнице. Обреченно выдыхаю: — Пой...

И тихий, медленно крепнущий грудной голос начинает:

Мне слышать как-то довелось,
Биннори, о Биннори,
К двум девам-сестрам прибыл гость
У чудных мельниц Биннори.

Разрываю границу круга. Выскакиваю мимо огромной фигуры в ночь, ледяную круговерть клыков, когтей, бьющих по воздуху копыт и горящих глаз. Замираю на крыльце. Впереди — клубятся вихри, секут небо ветви молний, глухо порывкивает далекий гром. Вся поляна залита густой клубящейся мглой. Но вспышка — и глаз выхватывает черные лоснящиеся шкуры, серебристые гривы, бледные огни копыт. Всадники — черные силуэты, чернее самой ночи, лишь светятся мертвым блеском глаза под капюшонами. Позади — гаснет светляк. И теплый женский голос медленно и четко выводит каждое слово:

Со старшей обручился он,
Биннори, о Биннори,
Но после младшей был пленен
У славных мельниц Биннори.

Я знаю эту балладу. Губы мгновенно леденеют, когда прыгаю прямо с крыльца в седло храпящего и прижима-

Долгая ночь Самайна. После полуночи

ющего уши Уголька. Не понес бы... Поляну пересечь — легко. Но до дороги — миля лесной тропы, темной, скользкой... Балладу о Биннори пела моя мать. У нее был красивый голос, даже лучше, чем у вдовы Бринара. Только пела она редко. Но сейчас у меня в ушах звучит, отсчитывая время:

В обиде старшая сестра,
Биннори, о Биннори,
В ней ревность, точно нож, остра
У чудных мельниц Биннори.

Вдали от беснующейся Охоты конь идет лучше. Дрожит, фыркает, запрокидывает голову и нервно закусывает удила, но идет ровно. Молодец, хороший мальчик... У меня всего несколько минут. Сумку с тяжелыми стеклянными колбами — прочь. Другую, с овсом, — тоже. Мгновение поколебавшись, роняю в кусты у дороги меч. Быстрее! Только не споткнись, дружок. Только не споткнись... Коня не нужно понукать. Он и сам чувствует, что надо убраться подальше. И остыть успел. А меня уже пробирает озноб. Наклоняюсь пониже, чтобы не зацепиться за случайную ветку. Сверху, с листвы, капает вода, и тонкой шерстяной куртке недолго оставаться сухой.

«Там приплыли отца ладьи,
Биннори, о Биннори,
Пойдем, сестрица, поглядим,
Они уже на Биннори!»

И вот пошли — в руке рука,
Биннори, о Биннори,
Смотреть на лодки с бережка,
На воды быстрой Биннори.

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

Медленно. Как же медленно! Стискиваю зубы. Холод. Страх. Не жалуйся, Грель. И коли сам сварил пиво — сам его и пей, как говорил отец. Правда, тогда я был не некромантом Грелем, отродьем Тьмы, а сыном благородного рыцаря, наследником замка и земель.

Миль десять отсюда — развалины моего замка. Пятнадцать поколений Энидвейтов хранили Воронье Гнездо, а оно берегло их. Я — шестнадцатый, не вступивший в права. А семнадцатого уже не будет. Впереди, между деревьями, просвет. Уголек ржет, тянет шею. Темнота давит на плечи, дождь лезет ледяными пальцами под куртку и рубашку. Ненавижу холод. За спиной тихо. Значит, она еще поет. Почему не выбрала балладу покороче? Неужели не догадалась? Или испугалась, что тогда Охота вернется за ней? Конь спотыкается, но выравнивает шаг...

И старшая, про честь забыв,
Биннори, о Биннори,
Сестру столкнула под обрыв
В стремительную Биннори.

Маленьким я любил сидеть у ног матери, пока она шила шелком очередную икону для монастыря, и слушать негромкий голос. Когда она пела, как младшая сестра умоляет старшую о пощаде, а та зло и надменно торжествует, слезы начинали течь сами собой. Заметив, мать переставала петь, обнимала меня, прижимая к мягкому надушенному платью, перебирала жесткие, лохматящиеся, как ни стриги, волосы и начинала что-нибудь другое, веселое. Но я быстро научился не плакать. Мне хотелось, чтобы песня прозвучала до конца и убийца получила по заслугам.

А потом она стала петь все реже и реже. Жизнь в глуши тяготила дочь графа, против воли родителей вышед-

Долгая ночь Самайна. После полуночи

шую замуж за лихого, но бедного рыцаря. Когда одна за другой родились мои сестры – песни и вовсе прекратились. Разве что колыбельные звучали иногда, и я, уже выросший, ловил эти редкие минуты украдкой, стыдясь болезненной нежности к ее холодным рукам, бледной коже с просвечивающими синевой жилками, грустному взгляду. Теплый грудной голос тускнел, как гобелен, вытканый из дешевых ниток и висящий на ярком солнце. Зато все ярче вечерами цвели розовые пятна на прозрачной коже щек. А рядом с шитьем всегда лежал платок, в который она, кашляя, прятала губы...

Хватит! Не хочу вспоминать. Может, потом, добравшись до дома, открыв бутылку вина покрепче... А песня уже должна подходить к концу. Тело девушки прибило к берегу, бродячий певец срезал прядь золотых волос на струны для своей арфы и пошел во дворец...

Лес заканчивается! Ветер немедленно бросает мне в лицо пригоршни дождя, рвет с плеч куртку. Сколько до переправы? Миль пять. По мосту ближе, но мне к мосту нельзя. Мост – дорога для фэйри. А вот текущую воду Охота может пересечь, только пока не спустится на землю. Сияющие во тьме копыта уже, верно, истоптали всю поляну у часовни. Им придется объезжать по мосту. А мне – нет. И до брода всего мили две...

Прости, Уголек! Еще ниже, как только могу, прижавшись к теплой конской шее, даю коню шпоры. Зло и обиженно всхрапнув, он летит по пустой дороге. Стук копыт и моего сердца несутся наперегонки.

Девичьим голосом струна,
Биннори, о Биннори,
Поет, как умерла она
У чудных мельниц Биннори.

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

«Вот мой отец и мать моя,
Биннори, о Биннори,
Так пусть услышит вся семья,
Кто сбросил меня в Биннори!»

О да, я быстро понял, что, как бы ни справедлив был конец, жизнь девушке это не вернет. Ничто не вернет жизнь тому, кто ее потерял. Так какого же Проклятого ты так рискуешь, Грель? Пять лет держаться от этого места подальше! Отказаться от мести. Забыть свое имя. Какой ты Энидвейт? Грель Ворон, Грель Кочерга... Вороны кружат над развалинами твоего замка, ветер свистит под его крышей. И никто не придет во дворец короля, чтобы спеть правду о твоей семье и о тебе. Да и кому теперь нужна правда? Она никого не вернет. А в ушах у меня вместо голоса матери звучит теперь голос незнакомки из часовни. Быстрее, Уголек! Чуть приподнявшись на стременах, я пронзительно и длинно вою по-волчьи. Конь шалееет. Вытянув шею, он несется по дороге, словно одно из чудищ Дикой Охоты...

А вот сестра – родная кровь,
Биннори, о Биннори...

Далекий вой рога приходит с острыми колючками страха, мгновенно пронзающими тело. Она все-таки допела!

«Что, не ждала услышать вновь
Ту, что топила в Биннори?»

Допела до самого конца! По спине ледяными каплями то ли пот, то ли дождь. Я всего раз до этого видел, как мчится в ночной мгле Дикая Охота и земля искрится под лапами гончих и копытами лошадей. До переправы еще пара миль, не меньше. Зато за рекой – монастырь! В дру-

гое время я бы туда не сунулся, но сейчас не до выбора. Из-за церковных стен меня даже Охотник не достанет. Конечно, мерзко и ломать потом будет не на шутку, но до рассвета как-нибудь вытерплю. У камина в главном зале Вороньего Гнезда не только пели баллады. Там еще и рассказывали древние легенды. У Дикой Охоты всего одна ночь, чтобы загнать жертву.

Вой! Приближается так быстро, что даже не верится. Я не чувствую холода, только пальцы свело судорогой на поводьях. Мелькает огромный дуб с раздвоенной макушкой. Миля!

— Давай же, Уголек! Давай... давай... давай, — шепчу почти в бреду. — Еще немного!

Развилка. Влево — к броду. Вправо — к Вороньему Гнезду. До него меньше мили... Нет, только не туда. Уж лучше в монастырь! Конь дышит натужно и хрипло. У меня и самого уже болят легкие от студеного ветра. Ничего, не подохну. У Керена в учениках приходилось и хуже. Он хорошо знал, как я не люблю холод. Чередой ледяных волн вместе со звуком Рога накатывают боль и ужас. Стиснув зубы, я едва держусь в седле, изо всех сил пытаюсь не свалиться. Что с этой женщиной? Охота ушла за мной. Теперь в часовне безопасно. Но что будет завтра? Не столкнуться бы с ней в монастыре, если задержат там дольше, чем до рассвета. Кровь, только капавшая из носа в часовне, льет тонкой струйкой, пачкает липким лицо, шею, метит для гончих мой след. Рог ревет и стонет уже совсем близко.

Подлетаю к спуску. Миг — и конь встает свечкой, дико ржа и запрокидывая голову. Бросив повод, я обнимаю горячую, резко пахнущую конскую шею, молюсь неизвестно кому, чтобы жеребец не опрокинулся назад и не поскользнулся на крутом склоне! Если бы не луна, выгля-

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

нувшая из-за тучи! Еще миг — Уголек пятится назад, от мокрого глинистого склона на твердую дорогу. Третий миг — я вспоминаю, как дышать. Обрыв. Во имя Проклятого и его Бездны! Обрыв! То ли от дождей оползень, то ли землетрясение... Огромный кусок берега съехал вниз, отсекая спуск, и до реки добраться невозможно.

Ну, вот и все, Грель. Судорожный смешок оборачивается вскрипом. Поиграл в мстителя? Не будет тебе арфы и говорящих струн. И легенд тоже не будет. Только смрадное дыхание гончих за спиной. Только острые зубы и твердые копыта. Да кремневый нож Охотника, вырезающий сердце. Конечно, если оно останется там, когда до тебя доберутся призранные собаки...

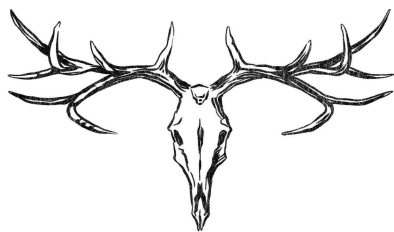
Прекрати! Я прокусываю губу, добавляя еще одну струйку крови. Зато боль моментально приводит в себя. Не смей распускаться, некромант! Уголек возмущенно ржет, разворачиваясь в обратную сторону. Вернуться по дороге — никак не успеть. И я гоню коня по луку, срезая путь, выворачивая к Вороньему Гнезду. О, я внимательно слушал сказки у камина. А Дикая Охота носится по небу и земле с незапамятных времен. Вой слышится уже почти за спиной. Стоит Угольку попасть копытом в сусличью нору, споткнуться о выбоину — и смерть. Стоило оно того, Грель? Да Бринар в могиле и впрямь перевернется — от хохота! В спину дует ледяной вихрь. Я уже различаю лай, непрерывный, монотонный, словно не живые звери там, позади, а порождения искусного механика. Рука сама тянется к ножу на поясе. Если что — чиркну по артерии. Обойдутся без радости рвать еще живую плоть.

Луг сменяется подъемом на холм. Загнанный Уголек хрипит, отдавая последние силы, а в затылок уже несется лавина воя, визга, рева рогов. Ворота! Длинный, вы-

Долгая ночь Самайна. После полуночи

мощенный камнем двор! Угрюмо нависает над приземистым строением единственная башня – Воронье Гнездо Энидвейтов. И я скатываюсь кубарем с коня, едва успев выдернуть ноги из стремян, прыгаю на крыльцо главного входа. Оборачиваюсь лицом к налетающему месиву оскаленных морд, черных плащей, огня и клубов тумана и изо всех сил, срывая остатки голоса, ору:

– Я зову тебя в гости, Охотник! Во имя Самайна я приглашаю тебя гостем в мой дом!

Глава 3

ДОЛГАЯ НОЧЬ САМАЙНА. ПЕРЕД РАССВЕТОМ

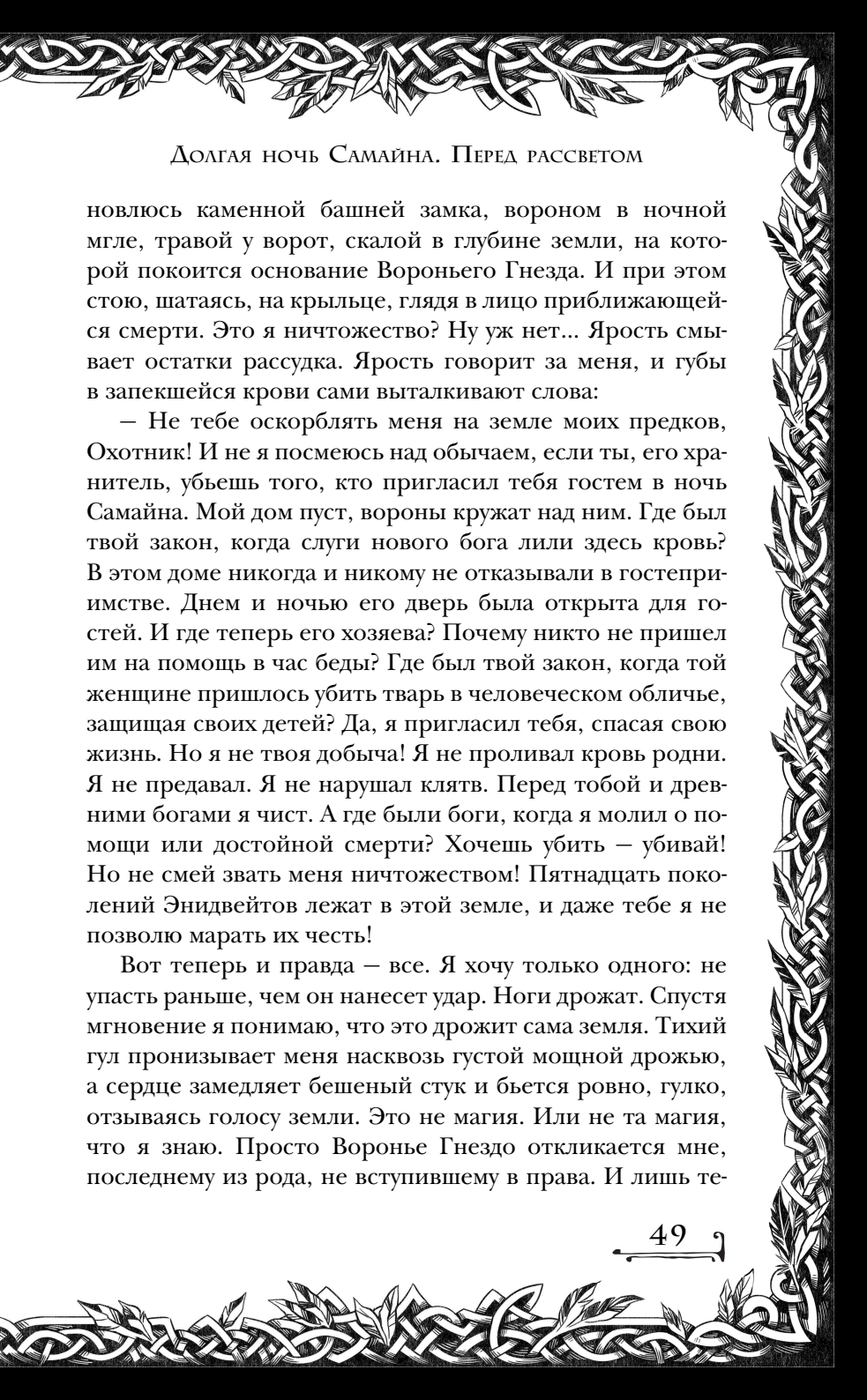
Тишина рушится на двор, как топор палача, — мгновенно, беспощадно, милосердно. Такое безмолвие бывает в самом центре страшной бури. Но это лишь на миг, а потом я гложу от гнева в голосе Охотника:

— Как. Ты. Посмел. Насмехаться. Надо мной!

Он не кричит, и это куда страшнее. Роняет слова, как капли расплавленного свинца, и камни под его сапогами дрожат и трескаются. Тихий хруст, словно Охотник идет по льду, широкие шаги... Его взгляд сбил бы меня с ног, но сзади чудом сохранившаяся дубовая дверь, и я прижимаюсь к ней спиной. Дверь моего дома, от которого я отказался много лет назад.

— Смертное ничтожество! Добыча для моих псов!

Это он мне?левой ладонью сжимаю выступ гранитного косяка, чтобы не упасть, но правая сама ложится на рукоять ножа. Глупо и бесполезно. Я ничего не смогу сделать с воплощенной стихией. Но откуда-то из глубин души поднимается волна раскаленной тяжелой ярости, выжигая по пути страх и слабость. Она подхватывает меня восхитительным безумием, взмывает вверх, и я ста-

Долгая ночь Самайна. Перед рассветом

новлюсь каменной башней замка, вороном в ночной мгле, травой у ворот, скалой в глубине земли, на которой покоится основание Вороньего Гнезда. И при этом стою, шатаюсь, на крыльце, глядя в лицо приближающейся смерти. Это я ничтожество? Ну уж нет... Ярость смывает остатки рассудка. Ярость говорит за меня, и губы в запекшейся крови сами выталкивают слова:

— Не тебе оскорблять меня на земле моих предков, Охотник! И не я посмеюсь над обычаем, если ты, его хранитель, убьешь того, кто пригласил тебя гостем в ночь Самайна. Мой дом пуст, вороны кружат над ним. Где был твой закон, когда слуги нового бога лили здесь кровь? В этом доме никогда и никому не отказывали в гостеприимстве. Днем и ночью его дверь была открыта для гостей. И где теперь его хозяева? Почему никто не пришел им на помощь в час беды? Где был твой закон, когда той женщине пришлось убить тварь в человеческом обличье, защищая своих детей? Да, я пригласил тебя, спасая свою жизнь. Но я не твоя добыча! Я не проливал кровь родни. Я не предавал. Я не нарушал клятв. Перед тобой и древними богами я чист. А где были боги, когда я молил о помощи или достойной смерти? Хочешь убить — убивай! Но не смей звать меня ничтожеством! Пятнадцать поколений Энидвейтов лежат в этой земле, и даже тебе я не позволю марать их честь!

Вот теперь и правда — все. Я хочу только одного: не упасть раньше, чем он нанесет удар. Ноги дрожат. Спустя мгновение я понимаю, что это дрожит сама земля. Тихий гул пронизывает меня насквозь густой мощной дрожью, а сердце замедляет бешеный стук и бьется ровно, гулко, отзываясь голосу земли. Это не магия. Или не та магия, что я знаю. Просто Воронье Гнездо откликается мне, последнему из рода, не вступившему в права. И лишь те-

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

перь, за мгновение до смерти... Забавно. Двенадцать лет я отрекался от того, кто я есть. И понадобилась Дикая Охота, чтобы привести меня к этим дверям и принудить принять наследство. Но теперь я странно счастлив и спокоен. Я смотрю в болотные огни глаз Охотника и безмолвно благодарю его. Страх так и не возвращается. Зато усталость и холод наваливаются неподъемной тяжестью. Да что же он медлит?!

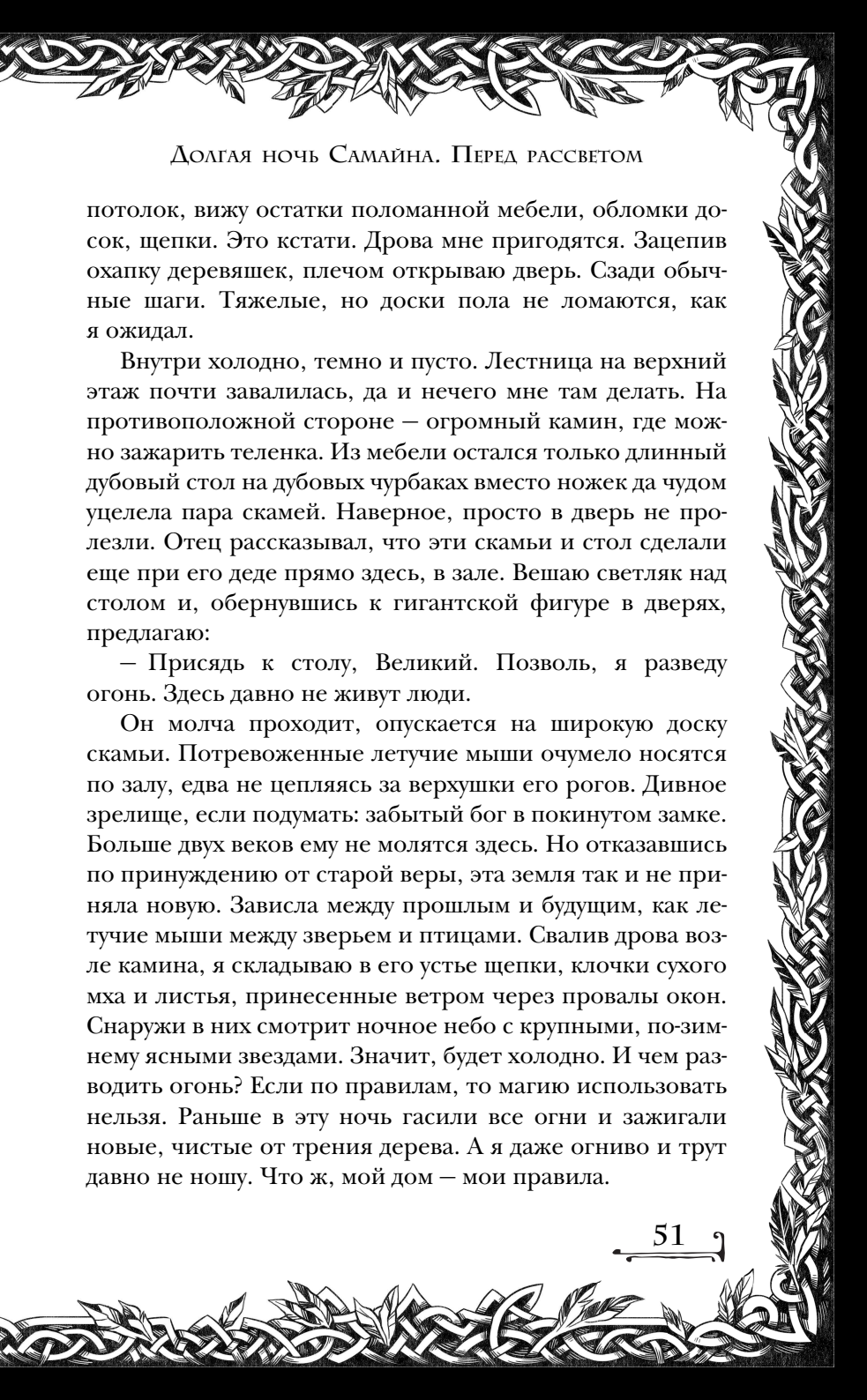
Долгая, долгая ночь. Тишина в сердце бури. Холодная древняя земля под ногами. Ни камни двора, ни высокое крыльцо не могут отсечь нас обоих от этой древней земли. И мы стоим, глядя в глаза друг другу, пока что-то не меняется. И падают остывающей лавой слова Охотника:

— Да будет так. Я принимаю твое приглашение, Энидвейт из рода Энидвейтов. Благословение на этот дом и его хозяина в ночь Самайна и за ее пределами.

Камень косяка леденеет под сведенными пальцами. Что, вот так? Я выиграл? Сумасшедшей дерзостью? Мгновением без страха? Неважно. Это лишь отсрочка. Я только что пригласил в дом одного из древних богов. И стоит хоть в самой малости повести себя неправильно — мне Дикая Охота милостью покажется... Ощущение причастности к замку уходит, как вода в песок. И я остаюсь один на один со своей слабостью и тем, что натворил только что. Но делать нечего. Сварил пиво — пей. Да, отец, я помню...

— Будь гостем, Охотник, — повторяю я охрипшим голосом. — Войди в мой дом.

Повернувшись, толкаю тяжеленную дверь, ожидая, что ржавые петли насмерть заклинило, но они поддаются легко и сразу. Деревянные брусья пола качаются под ногами и скрипят. В широком коридоре перед главным залом пахнет гнилью и сыростью. Подвесив светляка под

Долгая ночь Самайна. Перед рассветом

потолок, вижу остатки поломанной мебели, обломки досок, щепки. Это кстати. Дрова мне пригодятся. Зацепив охапку дровяшек, плечом открываю дверь. Сзади обычные шаги. Тяжелые, но доски пола не ломаются, как я ожидал.

Внутри холодно, темно и пусто. Лестница на верхний этаж почти завалилась, да и нечего мне там делать. На противоположной стороне — огромный камин, где можно зажарить телянка. Из мебели остался только длинный дубовый стол на дубовых чурбаках вместо ножек да чудом уцелела пара скамей. Наверное, просто в дверь не пролезли. Отец рассказывал, что эти скамьи и стол сделали еще при его деде прямо здесь, в зале. Вешаю светяк над столом и, обернувшись к гигантской фигуре в дверях, предлагаю:

— Присядь к столу, Великий. Позволь, я разведу огонь. Здесь давно не живут люди.

Он молча проходит, опускается на широкую доску скамьи. Потревоженные летучие мыши очумело носятся по залу, едва не цепляясь за верхушки его рогов. Дивное зрелище, если подумать: забытый бог в покинутом замке. Больше двух веков ему не молятся здесь. Но отказавшись по принуждению от старой веры, эта земля так и не приняла новую. Зависла между прошлым и будущим, как летучие мыши между зверьем и птицами. Свалив дрова возле камина, я складываю в его устье щепки, клочки сухого мха и листья, принесенные ветром через провалы окон. Снаружи в них смотрит ночное небо с крупными, по-зимнему ясными звездами. Значит, будет холодно. И чем разводить огонь? Если по правилам, то магию использовать нельзя. Раньше в эту ночь гасили все огни и зажигали новые, чистые от трения дерева. А я даже огниво и трут давно не ношу. Что ж, мой дом — мои правила.

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

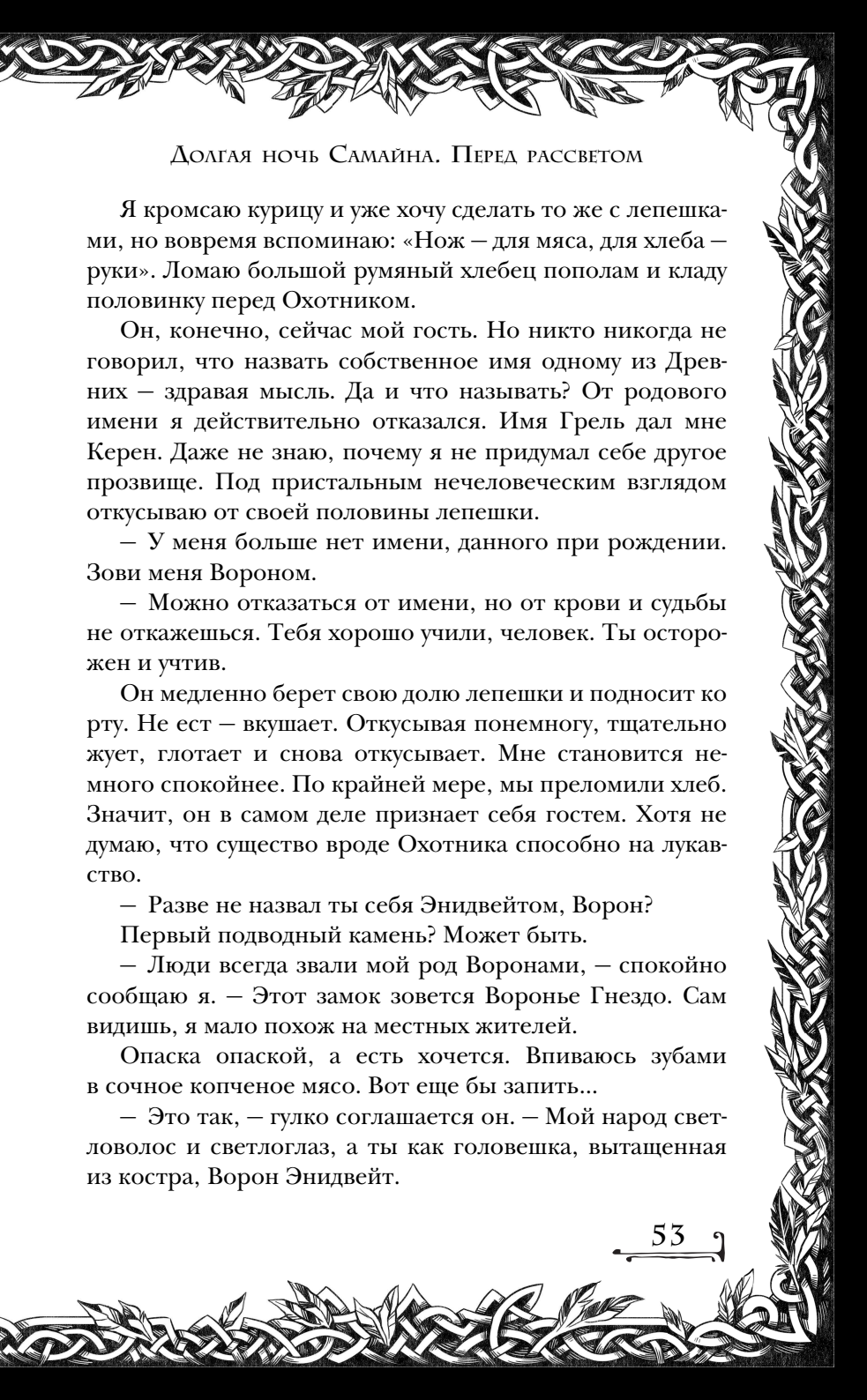
Поджигаю сушняк маленьким огненным шариком, подкладываю дрова. Огонь пожирает их жадно, освещая часть зала, бросает золотые отблески на темное, будто вырезанное из камня, лицо Охотника — его глаза в отсветах пламени по-волчьи горят янтарно-желтым. Хочется сесть к камину и не отходить от него до утра: замерз я так, что все тело ломит, а пальцы почти ничего не чувствуют. Но, вспомнив, я возвращаюсь через весь зал и коридор, выхожу на крыльцо. Там к стене жметя взмыленный Уголек, бешено косящий глаза на жеребцов Дикой Охоты. Всадники застыли в седлах безмолвно, и псы смиренно лежат посреди двора. Но лошади время от времени по-звериному скалятся на моего коня. Ближняя как раз открывает пасть: зубы у нее совсем не лошадиные — острые клыки сделают честь любому волку.

Я подхватываю повод и завожу похрапывающего Уголька в коридор. Конь мокрый, а здесь хотя бы нет ветра. Расседлав и торопливо обтерев его попоной, вешаю Угольку на шею торбу с остатками овса и достаю из седельной сумки припасы, взятые в недоброй памяти трактире. Хотя почему недоброй? Сидел бы там, не влип бы во все это, верно, Грель? Не могу думать о себе как об Энидвейте. Отвык...

В зале ничуть не теплее, но как-то уютней. Наскоро стерев пыль взятым в дорогу полотенцем, выкладываю лепешки и курицу на стол, срезаю кожаную, залитую сургучом пробку с вина. Стаканов нет. Ни тарелок, ни солонки, ни таза для омовения рук...

— Прости, — говорю негромко сидящему напротив. — Когда-то здесь принимали гостей куда радушнее.

— Не в богатстве радушие, — звучит с другой стороны стола. — Как твое имя, человек из рода Энидвейтов?

Долгая ночь Самайна. Перед рассветом

Я кромсаю курицу и уже хочу сделать то же с лепешками, но вовремя вспоминаю: «Нож — для мяса, для хлеба — руки». Ломаю большой румяный хлебец пополам и кладу половинку перед Охотником.

Он, конечно, сейчас мой гость. Но никто никогда не говорил, что назвать собственное имя одному из Древних — здравая мысль. Да и что называть? От родового имени я действительно отказался. Имя Грель дал мне Керен. Даже не знаю, почему я не придумал себе другое прозвище. Под пристальным нечеловеческим взглядом откусываю от своей половины лепешки.

— У меня больше нет имени, данного при рождении. Зови меня Вороном.

— Можно отказаться от имени, но от крови и судьбы не откажешься. Тебя хорошо учили, человек. Ты осторожен и учтив.

Он медленно берет свою долю лепешки и подносит ко рту. Не ест — вкушает. Откусывая понемногу, тщательно жует, глотает и снова откусывает. Мне становится немного спокойнее. По крайней мере, мы преломили хлеб. Значит, он в самом деле признает себя гостем. Хотя не думаю, что существо вроде Охотника способно на лукавство.

— Разве не назвал ты себя Энидвейтом, Ворон?

Первый подводный камень? Может быть.

— Люди всегда звали мой род Воронами, — спокойно сообщаю я. — Этот замок зовется Воронье Гнездо. Сам видишь, я мало похож на местных жителей.

Опаска опаской, а есть хочется. Впиваюсь зубами в сочное копченое мясо. Вот еще бы запить...

— Это так, — гулко соглашается он. — Мой народ светловолос и светлоглаз, а ты как головешка, вытащенная из костра, Ворон Энидвейт.

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

Каждый раз, когда он произносит мое родовое имя, — как удар хлыста. Не думаю, что он не видит этого.

— Мои предки давным-давно приплыли на эти земли, — парирую я. — Теперь никто не вправе назвать нас чужаками.

— Бывают люди, которые остаются чужаками везде. Что ты ищешь, Ворон?

— Стаканы, — честно признаюсь я, обшаривая взглядом все вокруг. — Или хоть что-нибудь для вина. Плохой из меня хозяин, если не смогу угостить гостя. Да и сам выпил бы.

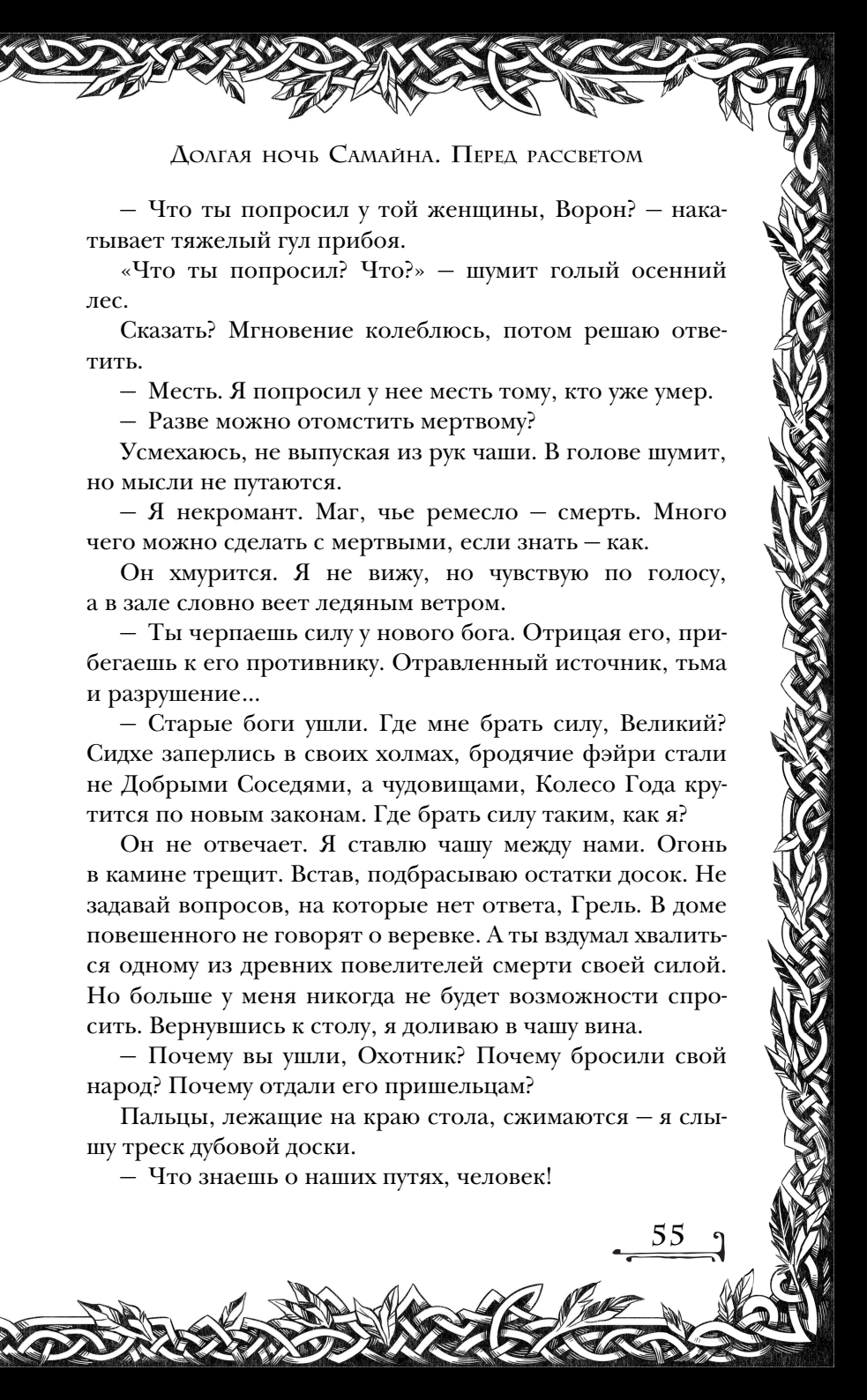
Удивительно, но из полумрака до меня доносится смешок. А потом на стол, тихонько стукнув, опускается маленькая, вырезанная из дерева чаша. Похоже, не просто из дерева, а из куска толстого корня. На стенках и ножке — наплывы. Древности она невероятной, и у меня холодеет внутри.

— Можем выпить из моей, если отважишься.

Пить из одной чаши с богом? Почему бы и нет? Я устал бояться, хмельное безрассудство отчаяния гуляет по крови. Осторожно наполняю чашу вином, подношу к губам и делаю, по обычаю, один глоток. Ставлю на стол. Огромная корявая кисть, сама напоминающая древесную корягу, обхватывает ножку. Охотник выпивает до дна и ставит посудину на стол. А я чувствую, как по жилам катится огонь. В глазах темнеет, в висках звонко стучат молоточки. Сквозь их перезвон я слышу, как льется вино.

— Выпей еще, человек, станет легче.

В голосе Охотника насмешка. Еще? Какая глупость. И первый-то глоток хорошо бы пережить. Но я упрямо тяну к губам теплое шершавое дерево, щедро глотаю. И правда, становится легче. Только тело колют сотни маленьких иголочек, больно, но терпимо.

Долгая ночь Самайна. Перед рассветом

— Что ты попросил у той женщины, Ворон? — накачивает тяжелый гул прибоя.

«Что ты попросил? Что?» — шумит голый осенний лес.

Сказать? Мгновение колеблюсь, потом решаю ответить.

— Мечь. Я попросил у нее мечь тому, кто уже умер.

— Разве можно отомстить мертвому?

Усмехаюсь, не выпуская из рук чаши. В голове шумит, но мысли не путаются.

— Я некромант. Маг, чье ремесло — смерть. Много чего можно сделать с мертвыми, если знать — как.

Он хмурится. Я не вижу, но чувствую по голосу, а в зале словно веет ледяным ветром.

— Ты черпаешь силу у нового бога. Отрицая его, прибегаешь к его противнику. Отравленный источник, тьма и разрушение...

— Старые боги ушли. Где мне брать силу, Великий? Сидхе заперлись в своих холмах, бродячие фэйри стали не Добрыми Соседями, а чудовищами, Колесо Года крутится по новым законам. Где брать силу таким, как я?

Он не отвечает. Я ставлю чашу между нами. Огонь в камине трещит. Встав, подбрасываю остатки досок. Не задавай вопросов, на которые нет ответа, Грель. В доме повешенного не говорят о веревке. А ты вздумал хвалиться одному из древних повелителей смерти своей силой. Но больше у меня никогда не будет возможности спросить. Вернувшись к столу, я доливаю в чашу вина.

— Почему вы ушли, Охотник? Почему бросили свой народ? Почему отдали его пришельцам?

Пальцы, лежащие на краю стола, сжимаются — я слышу треск дубовой доски.

— Что знаешь о наших путях, человек!

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

Молния рассекает небо на темные осколки, и сразу обрушивается раскат грома.

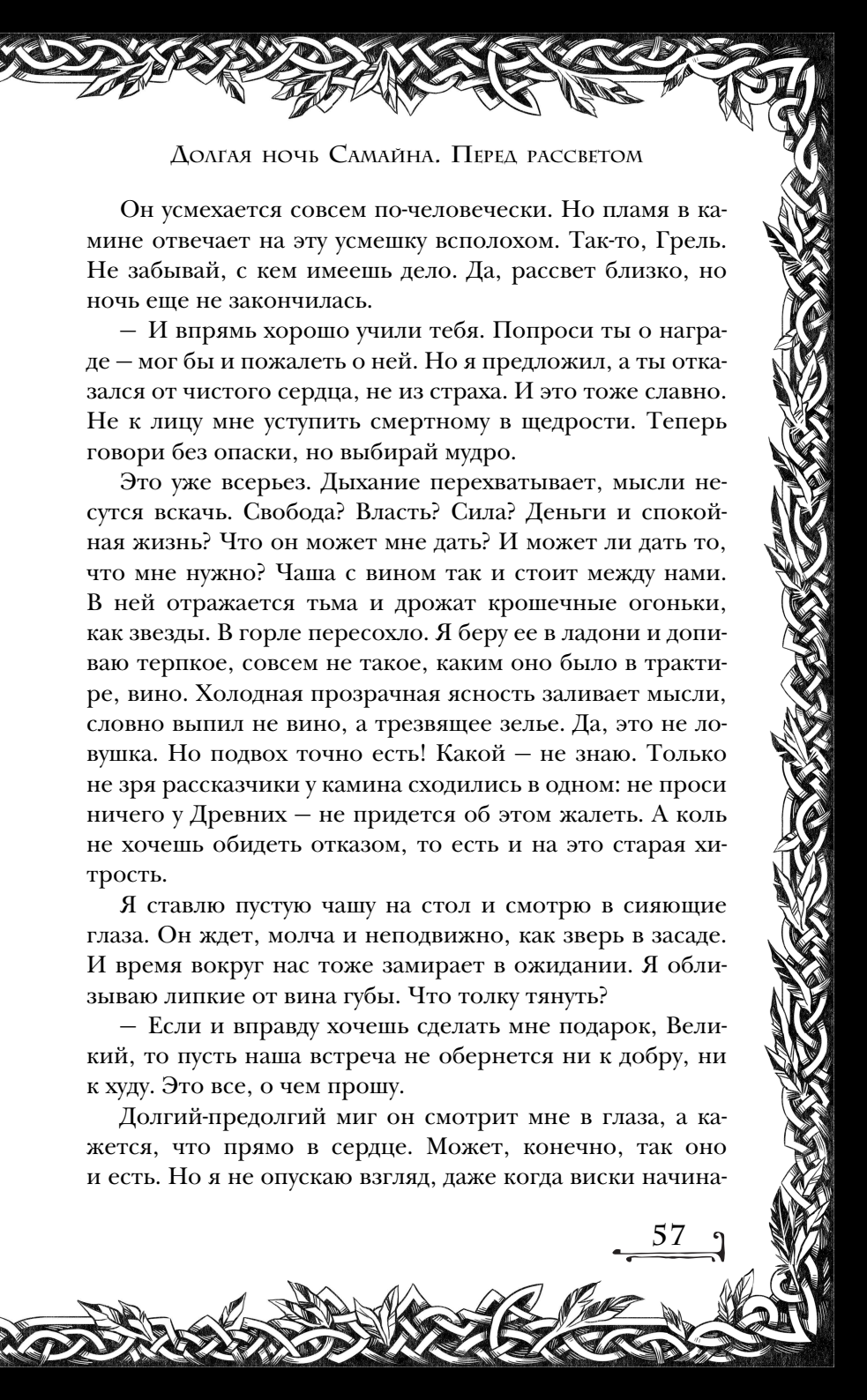
— Ничего, — ровно подтверждаю я. — Потому и спрашиваю. Если ты не сможешь ответить, тогда кто? Родись я лет триста назад, мог бы стать твоим жрецом. Я бы хранил закон и карал его нарушителей. А теперь на моей же земле меня травят, как волка, цепные псы нового бога.

— Ты не понимаешь, — звучит неожиданно глухо и тоскливо. — Ты, как и все люди, просто не понимаешь. Это вы отдали свою землю чужакам. Я посылал силу воинам и волю жрецам. В мою честь рождались дети и падал зверь под ножом охотников. Я кутал землю в снега и орошал ее своей кровью, чтобы трава росла гуще. Но нашим законом были сила, справедливость и возмездие. А люди выбрали милосердие и слабость. «Преступи закон — понесешь кару», — говорили мы. «Покайся — и будешь прощен», — сказал он. И ваши сердца уступили, потому что быть слабыми легче.

— Но это же ложь, — почти шепчу я. — Какое милосердие? Лицемерие, алчность, жестокость... Они пришли не для того, чтобы прощать и любить. Меч, дыба и костер — вот их милосердие.

— Колесо времени не повернуть вспять, — тяжело роняет Охотник. — Ты славно принял меня в своем доме, Ворон из рода Энидвейтов. Ты разделил со мной пищу и тепло, а в твоих словах не было ни страха, ни лжи. Какую награду ты хочешь за это? Ночь на исходе, но у меня все еще есть сила.

— Награду? — переспрашиваю я растерянно. — О чем ты? Кто же требует платы с гостя. Это я должен благодарить за честь. Воронье Гнездо давно не принимало гостей и вряд ли примет когда-нибудь еще.

Долгая ночь Самайна. Перед рассветом

Он усмехается совсем по-человечески. Но пламя в камине отвечает на эту усмешку всполохом. Так-то, Грель. Не забывай, с кем имеешь дело. Да, рассвет близко, но ночь еще не закончилась.

— И впрямь хорошо учили тебя. Попроси ты о награде — мог бы и пожалеть о ней. Но я предложил, а ты отказался от чистого сердца, не из страха. И это тоже славно. Не к лицу мне уступить смертному в щедрости. Теперь говори без опаски, но выбирай мудро.

Это уже всерьез. Дыхание перехватывает, мысли несутся вскачь. Свобода? Власть? Сила? Деньги и спокойная жизнь? Что он может мне дать? И может ли дать то, что мне нужно? Чаша с вином так и стоит между нами. В ней отражается тьма и дрожат крошечные огоньки, как звезды. В горле пересохло. Я беру ее в ладони и допиваю терпкое, совсем не такое, каким оно было в трактире, вино. Холодная прозрачная ясность заливает мысли, словно выпил не вино, а трезвящее зелье. Да, это не ловушка. Но подвох точно есть! Какой — не знаю. Только не зря рассказчики у камина сходились в одном: не проси ничего у Древних — не придется об этом жалеть. А коль не хочешь обидеть отказом, то есть и на это старая хитрость.

Я ставлю пустую чашу на стол и смотрю в сияющие глаза. Он ждет, молча и неподвижно, как зверь в засаде. И время вокруг нас тоже замирает в ожидании. Я обливаю липкие от вина губы. Что толку тянуть?

— Если и вправду хочешь сделать мне подарок, Великий, то пусть наша встреча не обернется ни к добру, ни к худу. Это все, о чем прошу.

Долгий-предолгий миг он смотрит мне в глаза, а кажется, что прямо в сердце. Может, конечно, так оно и есть. Но я не опускаю взгляд, даже когда виски начина-

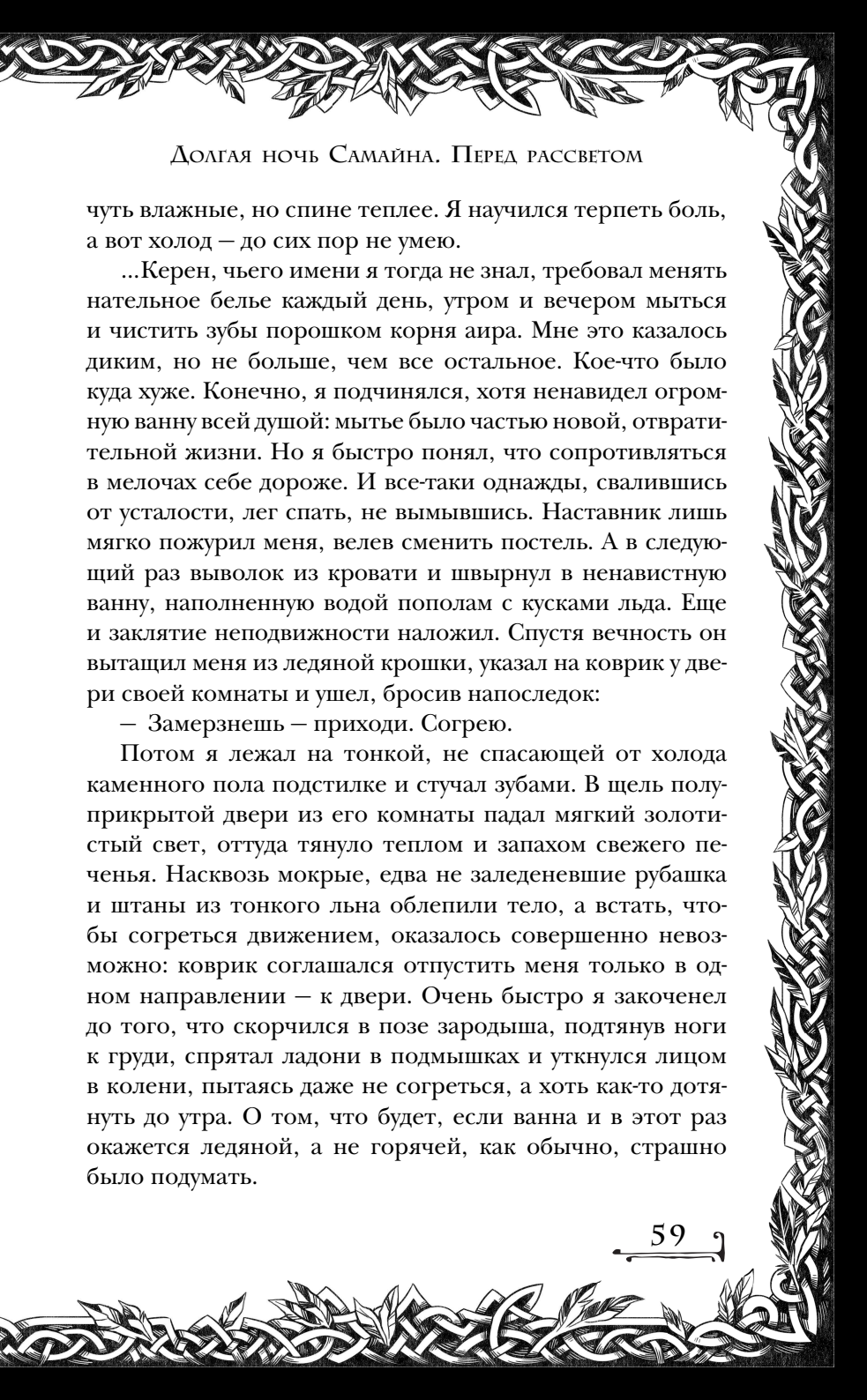
ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТЬ

ет ломить от боли, а грудь сдавливает знакомая тяжесть его мощи.

— И в третий раз я скажу: тот, кто учил тебя, делал это хорошо, — падают гири его слов. — Да будет так. Все, что было и еще будет этой ночью — от заката до рассвета, — только в твоей власти. Ни к добру, ни к худу не обернет этого судьба. Но посеяв сегодня зерно — урожаем будешь собирать сам. Тот, который заслужишь. И еще скажу тебе, Ворон из Вороньего Гнезда: от судьбы не убежишь, как не скрыться смертному от моей охоты. Сегодня или через год — она все равно настигла бы тебя, как и судьба. Тебе решать: бежать или встретить ее лицом к лицу, как сегодня. Прощай.

Тяжелые шаги удаляются размеренно, неторопливо. Жалобно хрустит доска — все-таки не выдержала. Я забираю бутылку, в которой еще плещется на дне, перебираюсь к камину. Здесь тепло, даже пол немного прогрелся. Снимаю мокрую куртку, стягиваю прилипшую к телу рубашку, развешиваю их на вбитые между камнями крючки. Грудь жжет, в спину веет холодом. Ничего, потом повернусь к теплу спиной. Дрова полыхают яростно, словно камин чувствует, что теперь его разожгут нескоро, и торопится отдать как можно больше тепла. Всегда любил здесь сидеть. В обычные дни семья собиралась к обеду и ужину за ближним к огню концом стола. Слуги садились на другом конце, чтобы быть на виду, но не слушать хозяйские разговоры. А под столом непременно крутилось несколько охотничьих собак, ожидая костей и объедков. Что-то с ними случилось, когда люди ушли из замка?

Я сижу, прихлебывая вино из бутылки маленькими глотками, чтобы дольше хватило. Когда замерзаю, поворачиваюсь то одним боком, то другим, потом набрасываю на плечи высушенную рубашку. Воротник и рукава еще

Долгая ночь Самайна. Перед рассветом

чуть влажные, но спине теплее. Я научился терпеть боль, а вот холод — до сих пор не умею.

...Керен, чьего имени я тогда не знал, требовал менять нательное белье каждый день, утром и вечером мыться и чистить зубы порошком корня айра. Мне это казалось диким, но не больше, чем все остальное. Кое-что было куда хуже. Конечно, я подчинялся, хотя ненавидел огромную ванну всей душой: мытье было частью новой, отвратительной жизни. Но я быстро понял, что сопротивляться в мелочах себе дороже. И все-таки однажды, свалившись от усталости, лег спать, не вымывшись. Наставник лишь мягко пожурил меня, велел сменить постель. А в следующий раз выволок из кровати и швырнул в ненавистную ванну, наполненную водой пополам с кусками льда. Еще и заклятие неподвижности наложил. Спустя вечность он вытащил меня из ледяной крошки, указал на коврик у двери своей комнаты и ушел, бросив напоследок:

— Замерзнешь — приходи. Согрею.

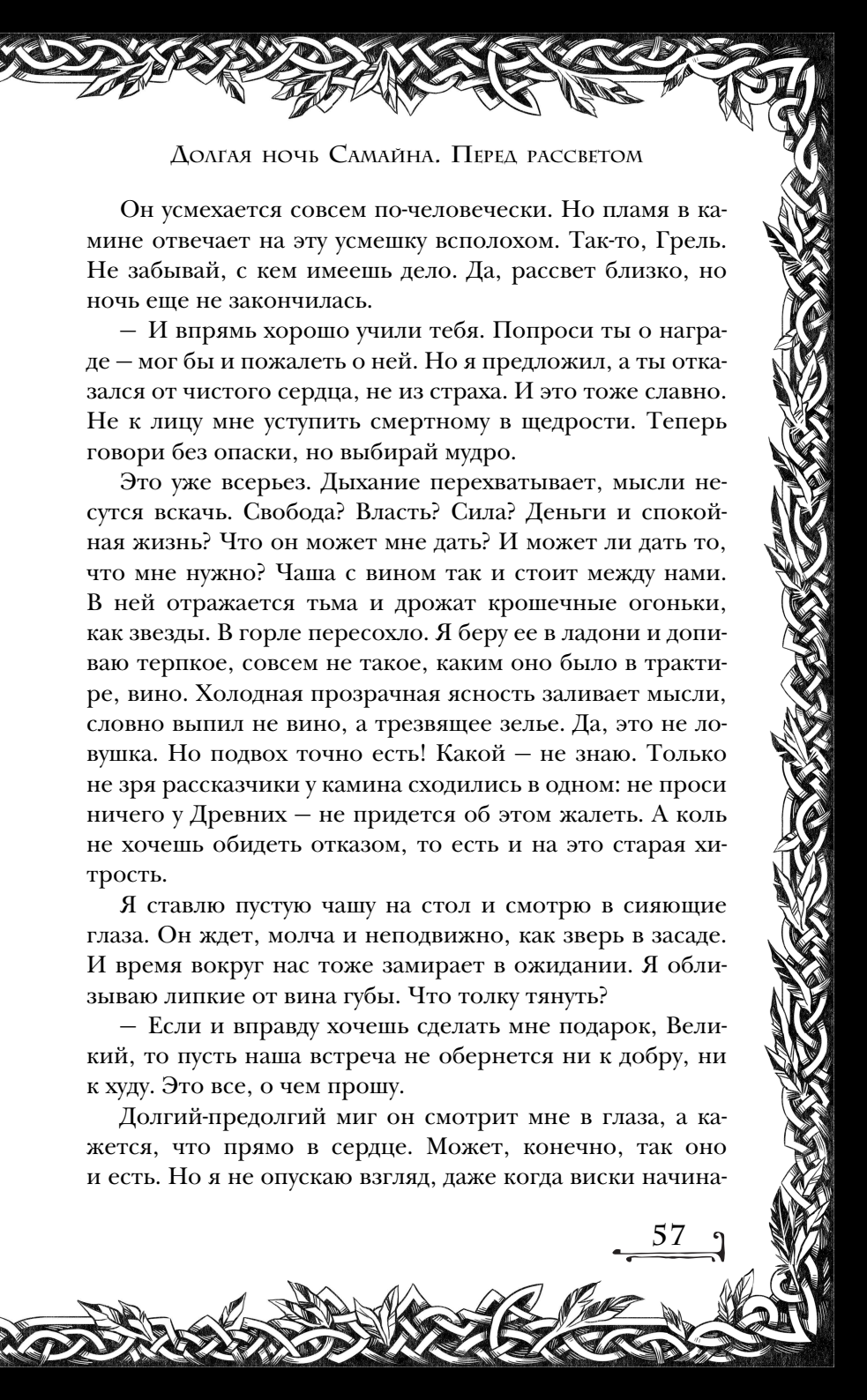
Потом я лежал на тонкой, не спасающей от холода каменного пола подстилке и стучал зубами. В щель полуприкрытой двери из его комнаты падал мягкий золотистый свет, оттуда тянуло теплом и запахом свежего печенья. Насквозь мокрые, едва не заledenевшие рубашка и штаны из тонкого льна облепили тело, а встать, чтобы согреться движением, оказалось совершенно невозможно: коврик соглашался отпустить меня только в одном направлении — к двери. Очень быстро я заковенел до того, что скорчился в позе зародыша, подтянув ноги к груди, спрятал ладони в подмышках и уткнулся лицом в колени, пытаясь даже не согреться, а хоть как-то дотянуть до утра. О том, что будет, если ванна и в этот раз окажется ледяной, а не горячей, как обычно, страшно было подумать.

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

И все время я помнил о словах наставника. Вот это было самое трудное и мерзкое: не подняться с подстилки и не постучать в дверь, за которой так тепло. Я знал каждый дюйм его спальни: успел выучить за те полгода, что уже прошли. Высокую деревянную кровать с кучей белоснежных подушек; ворох шерстяных одеял и пледов, подбитых заячьими и беличьими шкурками; круглый столик возле кровати, где по вечерам всегда стояли стеклянный кубок с подогретым вином и блюдо с пирожками, печеньем или сушеными фруктами в меду. Были там и книги, и шкафы с диковинками, и огромная карта на стене, нарисованная странно, сверху, будто художник летал как птица или смотрел птичьими глазами. Но я не мог думать ни о чем, кроме кровати и теплых мягких одеял.

Конечно, за тепло придется платить. Насмешливые холодные глаза, узкие губы, чуткие пальцы, умеющие чередовать почти невыносимую боль и совершенно невыносимое удовольствие. Он никогда не заботился о том, чтобы мне это нравилось, просто его забавляли попытки сопротивляться или оставаться равнодушным и неподвижным. И он всегда добивался своего. Я, конечно, и до него знал, что бывают мужчины с извращенными, нечистыми желаниями. Но это было лишь знание, вроде того что единорога может укротить девственница, а на луне живет человек из детской сказки. И уж точно мне бы в голову не пришло, что этим можно наслаждаться. Через боль, отвращение, мучительный, выедающий душу стыд... Но можно. Надо только расслабиться и позволить делать с собой что угодно. Сопротивление он ломал жестоко, мнимое презрение и равнодушие тоже не помогали. И я всегда сдавался, не зная, кого ненавижу больше: его или себя, палача-насильника или жертву, которая подчиняется не только боли, но и удовольствию.

Долгая ночь Самайна. Перед рассветом

А сегодня там было так тепло. И один раз — он ведь ничего не изменит. Мой мучитель все равно будет делать что захочет, однажды можно и разрешить. Мне было так холодно, что казалось, будто кровь уже застыла и сердце вот-вот остановится. Хуже боли, хуже стыда, хуже злости на самого себя. Что с того, что я никогда не приходил к нему по своей воле. Хоть раз это помогло? Вцепившись зубами в подстилку, чтобы не кричать от судорог в сведенных мышцах, я уговаривал себя встать. Три шага до двери. Тепло. Может, даже горячее вино. И уж точно мягкая, пахнущая лавандой постель, где замерзнуть просто невозможно. Один раз. Всего один!

Я уговаривал себя, что еще минутку — и встану. Еще чуть — и сдамся. Вдруг у него сегодня нет настроения, и я смогу просто погреться... Но каждый раз только сильнее сжимал колени, тер ими друг о друга, шипел от боли, растирая ладонями ледяное лицо, плечи, грудь. И минута растягивалась, длилась, пока не переходила в следующую, и еще...

Наверное, я плакал. Если слезы и текли, я их не чувствовал. Но то, что начал тихонько скулить, — помню точно. И сразу же перестал, понимая, что он услышит. Потом было все равно. Холод пробрался в каждую каплю крови, в каждый волосок и частицу плоти. И сколько это длилось — не знаю. Я просто лежал и ждал утра, мечтая, как вот-вот встану и постучу в дверь, за которой уже и свет погас...

Как наступило утро — не помню. То ли уснул, то ли, что вернее, потерял сознание. Очнулся уже голым, в блаженно горячей воде. Мой безымянный мучитель стоял рядом, прислонившись к стене спиной, нежа в длинных холеных пальцах фарфоровую чашку с травяным отваром и время от времени отпивая из нее. Убедившись,

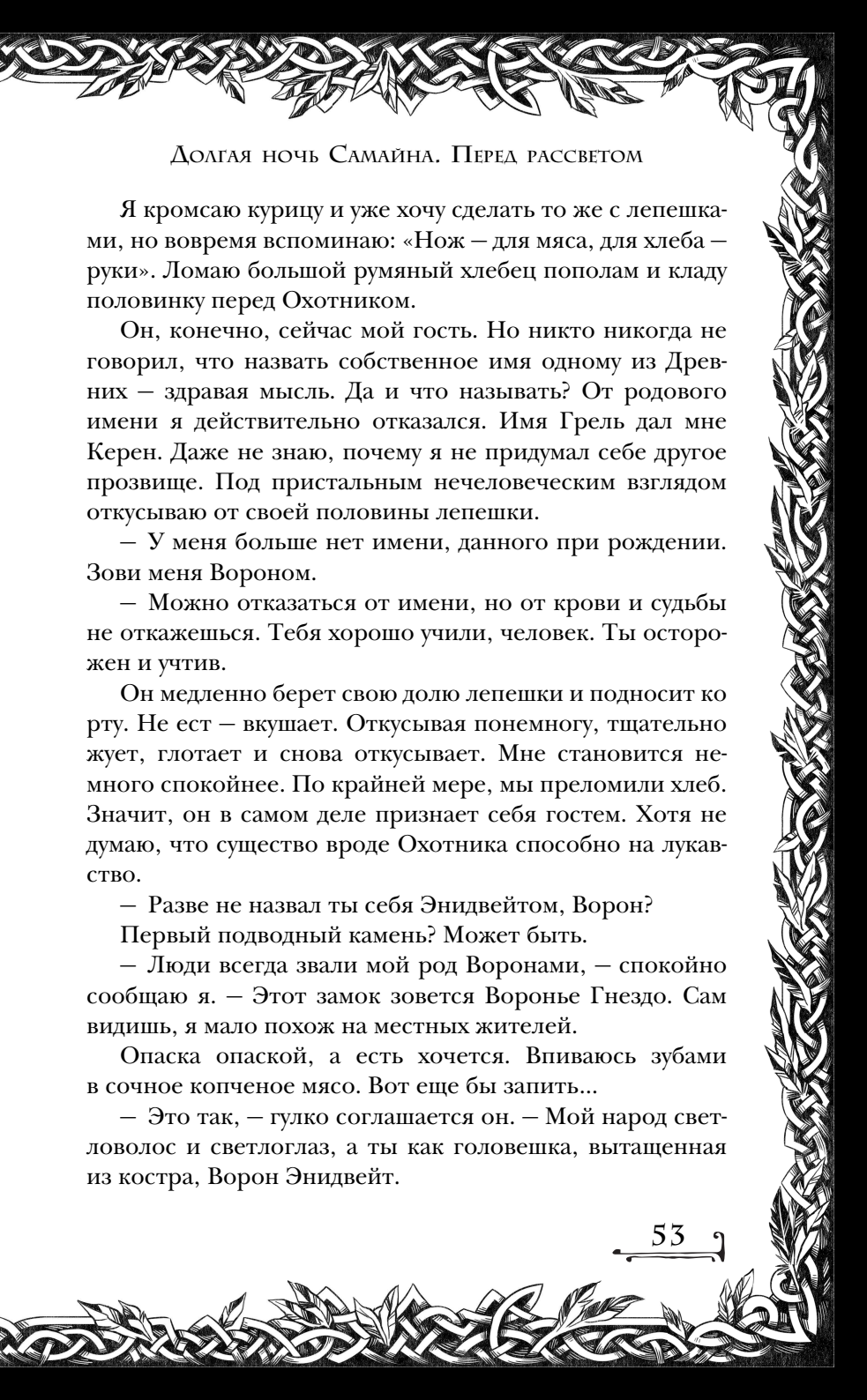

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

что я пришел в себя, он молча развернулся и ушел. На стуле рядом с ванной лежала чистая сухая одежда. А примерно неделю спустя наставник все так же небрежно бросил мне, что его зовут Керен. И я даже могу называть его так, если захочу. В постели. Я воспользовался этим правом почти семь лет спустя, в ночь, когда попытался его убить. И у меня почти получилось, видит Проклятый!

Но это было потом. Когда мне уже было известно, что мало кто из многочисленных учеников Керена дожил до того, чтобы узнать его имя. И то, что многие из них приходили к нему в постель по своей воле, им ничуть не помогло. А для меня ничего и не изменилось. Разве что появилось имя, которое я мог теперь вволю проклинать. Да еще ни разу за эти семь лет я не лег спать, не вымывшись...

...Бутылка совсем пуста. И рубашка высохла. От куртки идет пар, но к рассвету ее, пожалуй, можно будет надеть. Надо вернуться к часовне, забрать сумку с колбами и найти в лесу меч. Надо доехать до границы графства и поскорее убраться отсюда, пока не всплыло еще что-то из прошлого. С меня и так надолго хватит этой ночи. Небо за окном темное, но, если присмотреться, в восточное окно видна сизая дымка. А что там Охотник говорил о том, что еще может случиться? Чувство опасности молчит. Там, в лесу, словно из-за каждого дерева смотрели ненавидящие глаза. А здесь мне спокойно, будто замок окутывает меня огромным невесомым щитом. Безопасно и тепло — даже не верится в такое счастье. Керен вот только вспомнился зря, но очень уж я замерз сегодня. Поворачиваюсь, чтобы снять подсохшую куртку, замираю, роняю пустую бутылку. Дождь, Грель! А ты думал, легко отделаешься? Ночь еще не кончилась, помнишь?

Долгая ночь Самайна. Перед рассветом

Он стоит в нескольких шагах. Совсем не похож на обычного призрака: ни савана, ни ран. И ничего сквозь него не просвечивает. Высокий крепкий человек лет сорока, черноволосый, смуглый, черноглазый, фамильный нос с горбинкой – любой местный узнает Энидвейта. Наверное, я буду выглядеть так же, если доживу до его лет. Молчит. Призраки не могут заговорить первыми. Меня так и подмывает не открывать рта. Рассвет совсем близко. Посмотрим друг на друга да и разойдемся, а больше я сюда ни ногой.

И все-таки не выдерживаю:

– Что тебе нужно, отец? Я-то знаю, что тот договор не писался на бумаге. Тебе нечего искать в замке.

Он качает головой, смотрит умоляюще. Обняв руками колени, я сижу спиной к камину и смотрю, как катятся по знакомому лицу слезы. Говорить не хочется. Вообще ничего не хочется, кроме покоя. Я слишком устал. И нет во мне той ненависти, что копилась годами. Ни ненависти, ни жалости. Но он все смотрит...

– Я знаю, что ты хотел как лучше. Пытался спасти маму, сестер... Отдал чародею самую высокую цену, какую мог: единственного сына, наследника. Да, Керен сказал, что ты предлагал взамен свою жизнь. Только ему ни к чему был немолодой рыцарь из захолустья. Керену приглянулся я: ученик, слуга и постельная грелка в одном лице...

Ужас и боль в его глазах – за все годы, что я проклинал свою судьбу и его, – слишком мало.

– А ты думал, для чего он меня купил? И все зря. Ты погубил нас всех. И меня тоже. Это только кажется, что я еще жив. Твой сын умер в постели Керена. Или в его лаборатории, когда первый раз убил жертву. Или потом, когда согласился жить после всего этого. Я не Энидвейт, что бы ни говорил Охотник. Я Грель Кочерга, некро-

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

мант и убийца. И второй договор, с Проклятым, уже ничего не изменил. Я и так принадлежал бы ему.

Слезы. Что они теперь значат? Я плакал, когда понял, что меня предал собственный отец: отдал на милость того, кто не знает милости. Когда убивал и пытал, чтобы выжить, — тоже плакал иногда. Ночами просыпался с мокрым от слез лицом, не помня, что снилось. Потом и это прошло. Я встаю, отшвыривая ногой бутылку. Раньше отец казался мне куда выше, теперь мы одного роста. Смотрю ему в глаза.

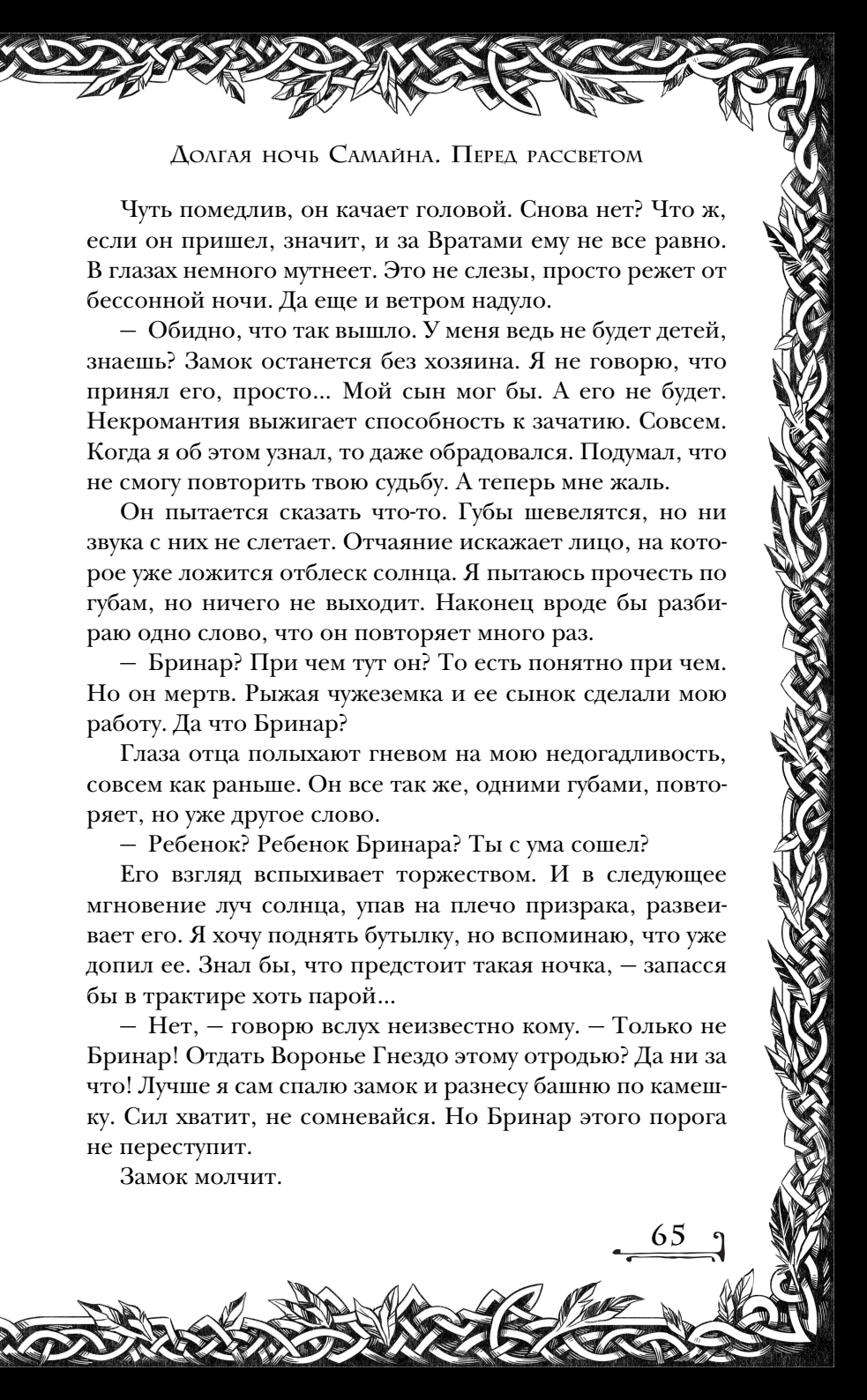
— Почему ты ничего не говоришь? Я бы никогда не пришел сюда по своей воле. И я не принял замок. Мне просто нужно было убежище. Я не хочу ни твоего имени, ни твоего наследства: у меня нет прав на них.

Он снова качает головой. За окном уже заметно светлее. Еще чуть — и первый луч солнца завершит Самайн, возвещая наступление зимы. А мне хочется плакать. Только я не могу. Оказывается, даже призраки могут — только не я. Делаю шаг вперед и кричу:

— Ну скажи хоть что-нибудь! Скажи, что сожалеешь! Что не хотел, не знал, не думал! Что все это было не зря! Скажи хоть что-нибудь, если можешь!

Пальцы сами складываются в знак изгнания. Я хочу ударить его, развеять, уничтожить, не дожидаясь рассвета. А он только смотрит, и под этим взглядом моя злость тает, сменяясь просто болью.

— Ладно, — шепчу я сорванным голосом. — Что теперь поделаешь? И правда, колесо времени назад не повернуть. Ты ведь любил меня, да? Просто три жизни дороже одной. Я и сам это знаю. Жаль, что маме и девочкам это не помогло. Я прощаю, отец. Правда, прощаю. Только это уже неважно. Ни месть, ни прощение мертвецам уже не нужны, верно?

Долгая ночь Самайна. Перед рассветом

Чуть помедлив, он качает головой. Снова нет? Что ж, если он пришел, значит, и за Вратами ему не все равно. В глазах немного мутнеет. Это не слезы, просто режет от бессонной ночи. Да еще и ветром надуло.

— Обидно, что так вышло. У меня ведь не будет детей, знаешь? Замок останется без хозяина. Я не говорю, что принял его, просто... Мой сын мог бы. А его не будет. Некромантия выжигает способность к зачатию. Совсем. Когда я об этом узнал, то даже обрадовался. Подумал, что не смогу повторить твою судьбу. А теперь мне жаль.

Он пытается сказать что-то. Губы шевелятся, но ни звука с них не слетает. Отчаяние искажает лицо, на которое уже ложится отблеск солнца. Я пытаюсь прочесть по губам, но ничего не выходит. Наконец вроде бы разбираю одно слово, что он повторяет много раз.

— Бринар? При чем тут он? То есть понятно при чем. Но он мертв. Рыжая чужеземка и ее сынок сделали мою работу. Да что Бринар?

Глаза отца полыхают гневом на мою недогадливость, совсем как раньше. Он все так же, одними губами, повторяет, но уже другое слово.

— Ребенок? Ребенок Бринара? Ты с ума сошел?

Его взгляд вспыхивает торжеством. И в следующее мгновение луч солнца, упав на плечо призрака, развеивает его. Я хочу поднять бутылку, но вспоминаю, что уже допил ее. Знал бы, что предстоит такая ночка, — запаса бы в трактире хоть парой...

— Нет, — говорю вслух неизвестно кому. — Только не Бринар! Отдать Воронье Гнездо этому отродью? Да ни за что! Лучше я сам сплужу замок и разнесу башню по камешку. Сил хватит, не сомневайся. Но Бринар этого порога не переступит.

Замок молчит.

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

— Меня продали, как теленка, чтобы уберечь замок Энидвейт от Бринара! Вместе с душой, телом и даром некроманта!

Замок молчит. Я кричу в пустоту. Но чтоб мне еще раз повстречаться с Дикой Охотой в пустом поле, если в этом молчании нет чего-то, что я просто не слышу.

— И что, все было зря? — снова перехожу на шепот. — Все эти годы у Керена? И потом? Проклятье, я знаю, что нет справедливости, кроме той, что творишь сам, но это уж слишком. Мое посмертие принадлежит Тьме, чтобы Бринар не получил Энидвейт!

А потом вдруг понимаю. Перед глазами мелькают рыжие косы, и я снова слышу теплый голос с чужестранным выговором. Этой ночью было много слез. Но я бы не отказался посмотреть, какая у нее улыбка. Да уж, Грель. Размечтался. Ты теперь для нее страшнее Проклятого. И опять думаешь не о том.

— Ее ребенок, он ведь тоже Бринар, да? — говорю я вслух, чтобы не потерять нить мысли. — И если он получит Энидвейт, значит, сделка недействительна? И моя душа — опять моя?

Конечно же, никто не отвечает. Просто неумовимо меняется что-то вокруг. То ли луч хмурого зимнего солнца как-то особенно освещает мое лицо, то ли доски, наконец, ощутимо теплеют, прогретые теплом камина. А может, я все это придумал. Неважно.

— А если бы я ее не спас? Я же не хотел ее спасать. Я хотел только мести... Так все это...

Запрокинув голову, я громко, от души смеюсь, пугая летучих мышей, уже устраивающихся на покой. Зато под стрехой просыпаются какие-то птахи, неуверенно переликаясь и перелетая прямо над головой.

— Так вот о чем ты говорил, Охотник? Ни к добру, ни

ДОЛГАЯ НОЧЬ САМАЙНА. ПЕРЕД РАССВЕТОМ

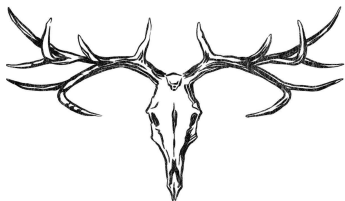
к худу, лишь то, что заслужил. Хороша шуточка! И что же я заслужил сегодня ночью?

Нет ответа. Как обычно. Только новый день упорно лезет в окна, напоминая, что ночь прошла и пора приниматься за дело.

— Ладно, — сообщаю я внимательно слушающей тишине. — Как говорит Охотник, да будет так! Посмотрим, что из этого выйдет. В конце концов, мне надо лишь отдать Энидвейт этому отродью, правда? А потом, когда я верну право на душу, мы посмотрим, чей это замок.

Угли в камине еле тлеют — пожара уже не будет. Можно бы и залить, но не хочется идти к колодцу, да и ворот наверняка сломан. Не ври себе, Грель, ты просто не хочешь заливать этот огонь.

Не оглядываясь, я покидаю зал, вывожу Уголька во двор. На булыжниках копоть, словно кто-то жег здесь много маленьких костров. Следы от копыт, похоже. Дожить до следующего Самайна, забрать ребенка, а потом прожить еще столько, чтобы он стал совершеннолетним. Не слишком ли далеко ты загадываешь, Грель? Прошлым вечером ты не знал, где окажешься утром. И как проведешь ночь. Не тебе думать о будущем. Оказавшись за воротами, я встряхиваю поводья. Конь осторожно ступает по пригорку, скользкому от инея на сухой траве. Башня Вороньего Гнезда будет видна еще несколько миль, но я все так же не оглядываюсь. Долгая ночь Самайна закончилась, и над землей яростно полыхает новый день. Первый день безвременья между уходящим годом и еще не пришедшим.

Глава 4 НА ТРОПЕ МЕЖДУ ХОЛМОВ

*Южная окраина герцогства Альбан,
Малый королевский тракт
5-й день ундецимуса, год 1218-й
от Пришествия Света Истинного*

Крупные редкие капли дождя мерно падали на кожаные капюшоны и накидки всадников, на давно промокшие попоны и темных от влаги лошадей. Дорога, что шла по краю леса глинистой пустошью, раскисла, только изредка в рыжем месиве подкова натыкалась на камень, и замученный конь дергал мордой, словно отмахиваясь от невидимой мухи. А дождь все падал. И отсыревшая кожа плащей давно не спасала от холода, лишь тянула вниз плечи.

Всадники шли в строю по трое. Тяжелое рыцарское вооружение, глухие доспехи, броня на лошадях. Копыта глухо чавкали по вязкой глине, погружаясь в нее почти по бабки, но кони шли ровно и мерно: массивные рыцарские тяжеловозы из тех, что вес оружного всадника несут долго и надежно, не сбиваясь с шага, не замедляя мерного аллюра. В середине, прикрытый со всех сторон чужой броней, ехал невысокий щуплый человек в таком

же кожаном плаще, но надетом не на доспех, а поверх теплой шерстяной котты, подбитой изнутри мехом. Ни копья, ни меча не было приторочено к удобному высокому седлу, в котором он держался то ли неуверенно, то ли просто устало, слегка покачиваясь. Время от времени он поглядывал на тускло-багровый шар солнца, садящийся впереди и немного левее дороги в темные очертания холмов, укрытых тучами, но лишь плотнее сжимал губы и опирался на высокую спинку седла, давая отдых усталой спине.

Где-то среди пустоши, слева от пути отряда, крикнул коростель, ему отозвался еще один, дальше. Дорога забирала левее, от леса к холмам, и темные полосы торфяников все чаще пересекали глину. Иногда они узкими языками выползали на дорогу, и тогда копыта начинали чавкать иначе, неприятно хлюпая по пропитанной водой черной массе. Чем дальше отряд удалялся от мрачно темнеющей в сумерках громады леса, тем чаще и тревожнее поглядывал на небо человек в котте, наконец обернувшись к тому, кто ехал справа:

— Мессир Лонгуа, скоро ли ночлег?

— Часа через два после заката, брат мой, — глухо донеслось из-под капюшона, накинутого поверх круглого шлема. — На той стороне холмов есть деревня, но до нее неблизко. Придется ночевать в холмах.

— Два часа? И ночлег на сырой земле под дождем? Да поможет нам Свет Истинный...

— Истинный Свет с нами, — отозвался рыцарь. — Не тревожьтесь, брат Ансельм, мы разведем костер и поставим для вас палатку, а во выюках есть сухие одеяла. Горячее вино и ужин согреют вас после трудного пути.

— Я не ропщу, мессир Лонгуа, — помолчав, виновато отозвался Ансельм. — Ваша забота больше, чем заслужил

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

я, недостойный. Если бы не моя телесная немощь, мы могли бы ехать быстрее, а останавливаться реже.

— Не могли бы, — возразил рыцарь, откидывая капюшон и оглядывая пустошь, темную полосу дороги перед ногами и редкие чахлые кустики. — Дорога трудна, и лошадям нужен отдых. Не тревожьте себя, брат. С вами мы едем не медленнее, чем ехали бы одни, а ноша ваша много тяжелее наших копий и мечей, вместе взятых.

— Это так, — просто согласился Ансельм, трогая рукой в шерстяной перчатке маленький сандаловый ларчик, привязанный у пояса — крученой веревки, обозначающей монашеский сан. — Истинный Свет избрал меня, но милость его тяжка. Не слабым человеческим рукам хранить его частицу, но я сделаю все необходимое, чтобы принести реликвию в дикий край, куда столь недавно пришла Благодать.

— Не столько пришла, сколько коснулась, — скупно усмехнулся рыцарь, поправляя сползший с плеча плащ, сколотый фибулой со стрелой в круге. — Души простых людей, живущих тут, до сих пор колеблются между божественным светом и тьмой язычества, и нечисть все еще ходит тропами здешней земли. Но хуже всего колдуны, поклоняющиеся Темному. Те, кто сознательно предал Благодать и спасение. Эти твари гораздо хуже фэйри — тем выбора не дано.

— Страшная участь, — с дрожью в голосе отозвался Ансельм, — быть обреченным на окончательную смерть души, исчезновение... Несчастливые существа.

— Участь предавшихся Темному будет не лучше, брат... И потому благословенна ваша миссия во спасение душ.

— Да воссияет, — склонил голову Ансельм, осеняя себя стрелой в круге. — Благодарю, что скрашиваете мне

дорогу разговором, мессир. Скажите, а в этих местах водятся фэйри?

— Нет, здесь им делать нечего. Разве что дикие могут забрести, но нам они не страшны. Эти твари способны поохотиться на одинокого путника, а вооруженные железом люди для них смерть. Ни фэйри, ни разбойников нашему отряду бояться не стоит.

— Не думайте, что я боюсь, мессир, — сконфуженно отозвался Ансельм, слегка краснея и опуская голову. — Но его преосветлейшество архиепископ прислал за моей скромной особой такой эскорт. Полдюжины рыцарей храма и два паладина! С таким сопровождением у нас не ездит даже магистр Инквизиториума. Вот я и подумал, что здесь опасно. Знаете, у нас в Гориане за время служения в монастыре пресветлого Беорнация я всего два раза видел паладинов света.

— Значит, ваш монастырь стоит в поистине тихом и спокойном месте, — неожиданно вмешался в разговор едущий слева от монаха. — Лонгуа, нам стоит поискать место для ночлега. Ночью будет ливень, и лучше устроить лагерь заранее.

Вместо ответа Лонгуа приподнялся на стременах, оглядывая затихшую пустошь и холмы, выросшие перед путниками. Лес остался далеко позади, уже совершенно стемнело, и на тропе между холмами лежала густая тьма, скрывающая их подножие.

— Ты уверен насчет ливня, Ренье?

— С моей спиной не ошибешься. Ноет так, словно разверзнутся все хляби небесные. Ливень с ветром, Лонгуа. Настоящая буря грядет.

Тоже откинув капюшон, он подставил каплям дождя костистое лицо с редкими рыжеватыми усами и широким шрамом на правой щеке. Облизнул губы, собрав язы-

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

ком упавшие на них капли, склонил голову, словно прислушиваясь к чему-то.

— Он чует ливень? — понизив голос, спросил Ансельм, с опасением косясь на рыцаря. — Колдовским даром?

— Резаной шкурой и перебитыми костями, — хмуро откликнулся Лонгуа. — Что ж, нам стоит хоть немного проехать в глубь холмов. Там будет меньше ветра... Быстрее, мессеры!

Повинуясь команде, трое впереди, все так же не обращившись, прибавили скорости. Лонгуа и Ренье, держась по бокам брата Ансельма, последовали за ними, а следом — трое замыкающих. Но между холмами дорога заметно сузилась. Вместо троих на ней сначала уместилось в ряд только двое, а потом и вовсе пришлось ехать по одному. Растянувшись, отряд продвигался вперед. Ансельм совсем сник, кутаясь под плащом в уже не спасающую от холода котту и согнув плечи. Ренье, следующий за ним, время от времени оглядывался назад, пока наконец не окликнул едущего впереди монаха Лонгуа:

— Долго еще до ровного места?

— Пара сотен шагов, — хрипло отозвался рыцарь. — Потом перед следующей ложбиной площадка — там и заночуем. А что такое?

— Так... не нравится мне тут. Темно и тихо. Как в могиле.

— Да воссияет... — дрожащим голосом отозвался Ансельм. — И рассеется мрак, оставляя души наши во Свете, и озарятся Благодатью Света Истинного...

— Помолчите, брат мой, — тихо приказал Лонгуа, останавливаясь.

Ансельм, пораженный тем, что кто-то прервал молитву, все же послушно смолк.

НА ТРОПЕ МЕЖДУ ХОЛМОВ

— Надень шлем, Лонгуа, — ясно и резко окликнул Ренье. — А впрочем, поздно...

С холма отрывисто крикнул коростель, разрывая ночь сухим треском.

— Годи, Сонтар, щиты! — рявкнул Лонгуа.

Ослепительные вспышки впереди и позади отряда рассекли ночь белыми клинками. Дико заржали кони. Ахнув, Ансельм вцепился в лук седла, едва не уронив уздечку, но оказавшийся рядом Лонгуа рванул ее из рук монаха и осадил взбрыкнувшую лошадь. Белоснежные сполохи плясали в воздухе над тропой, призрачным светом озаряя мечущихся коней. Рядом с Ансельмом упал один из рыцарей — из-под капюшона торчал арбалетный болт. Второй храмовник медленно заваливался набок, цепляясь за конскую гриву.

— Щиты!

Очередной сполох метнулся к Лонгуа и увяз в плотной полупрозрачной пелене, выросшей вдруг между тропой и холмом слева. Прикрыв глаза рукой, Ансельм слепо крутил головой. Вокруг мелькали тени, кто-то хрипел и падал, что-то щелкало, свистело, крутилось... Поскуливая от ужаса, монах нащупал гладкое дерево ларца и вцепился в него, пока соскочивший с коня Лонгуа не стащил и его, грубо вцепившись и оттолкнув в сторону от круговерти ало-белых вспышек, опускающихся сверху. Превратившись в огненных змей, они крутились и извивались, продавливали и прожигали накрывший отряд щит. Один из паладинов, захрипев, рухнул на колени, изо рта у него хлынула кровь, черная в свете сполохов.

— У них стрелы Баора, Лонгуа! Это измена! Проклятье на нечисть из холмов!

Ренье, возникнув рядом, поднял обнаженный меч в небо острием кверху. На острие зазмеились крошечные молнии, обтекая лезвие, спускаясь к рукояти.

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

— Забирай монаха и беги! — рыкнул Лонгуа. — Беги, Ренье!

Ансельм в ужасе замотал головой, отпрыгнул и едва не упал, поскользнувшись на мокрой глине. Замахал руками, удерживая равновесие. Ренье, перехватив меч, воткнул его острием в землю и отскочил. Треск. Вспышка. Белое сияние полосануло ночь наотмашь и собралось вокруг клинка рыцаря, замерев на пару мгновений, а потом медленно стекло по железу в землю.

— Да беги же!

Шарахнувшийся от белого огня Ансельм споткнулся обо что-то, глянул под ноги: раскинувшись в нелепой изломанной позе, там лежал один из храмовников, утыканный тремя или четырьмя арбалетными болтами. Налетев, Ренье схватил монаха в охапку, поволок от боя дальше, в сторону, в темноту.

— Молчать, — зашипел в ухо, встряхнув. — Ради Истинного, молчи...

Уткнувшись лицом в мокрый торфяник, Ансельм сжался в комок, чуть слышно поскуливая, но вряд ли кто-то мог услышать его в том ужасе, что разверзся над дорогой. Там ревели пламя, словно горел огромный костер, ржали лошади и дважды закричали люди: дико, истошно. Ренье, снова возникнув из темноты, поднял его, потащил за собой, прикрывая, но тут же захрипел и обмяк, хватаясь за живот, оседая на землю. Тонко взвизгнув, Ансельм упал на четвереньки и пополз прочь, не разбирая направления и не помня себя от ужаса. А потом сверху рухнула плотная мягкая тяжесть, вышибая сознание, туманя рассудок, — и Ансельм замер, последним сознательным движением прикрыв собой ларец.

Пробудила его боль. Тело, не способное пошевелиться, лежало скрючившись и болело невыносимо, так что

НА ТРОПЕ МЕЖДУ ХОЛМОВ

в глазах плавали цветные круги. А может, это было от колдовских огней? Проморгавшись, Ансельм понял, что лежит на границе света и тьмы, лицом к темноте.

— Вот он, — прозвучал сверху незнакомый голос. — Осторожнее.

— Живой, — удивился кто-то еще.

Его потянули за плечи, переворачивая. Щурясь, Ансельм глянул в лицо склонившемуся над ним человеку в легком кожаном доспехе.

— Ради Истинного...

— Не трать силы, брат, — мягко, но властно прервали его.

Ансельм дрожащими пальцами нащупал ларец. По лицу безостановочно текли слезы. Он не понимал ничего: ни кто эти люди, ни почему они перебили его спутников. Мессир Лонгуа, всегда такой учтивый и доброжелательный, мессир Ренье, паладины Годи и Сонтар, словом с ним не перемолвившиеся, но отдавшие за него жизнь, остальные рыцари... Теперь неизвестные убьют и его. Пусть, если такова его судьба. Но святыня...

— Не трогайте ларец, — попросил он дрожащим голосом. — Истинный Свет не простит вас. Кто бы вы ни были, не оскверняйте реликвию...

— Успокойся, — все так же мягко сказал ему незнакомец и, обернувшись, бросил кому-то позади. — Колдуня сюда!

Колдуня? Ансельм тихо всхлипнул. Кто это? Что они задумали? Мессир Ренье крикнул про измену. Как возможна измена в рядах церкви?

Кто-то подошел, опустился на колени рядом с ним. Беспомощный, не в силах пошевелить даже непослушными пальцами, Ансельм смотрел на человека в темной суконной одежде и плаще, длинноволосого и с остро-

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

конечной черной бородкой. Шею человека охватывал широкий серебряный обруч, и Ансельм знал, что это. Ошейник покорности. Но если колдун в ошейнике, то эти люди ему не друзья. Окончательно запутавшись, он просто глядел, как колдун проводит ладонью над ларцом и кривится то ли от боли, то ли от отвращения.

— Не то.

— Ты уверен? — спокойно поинтересовался незнакомец.

Скривившись еще сильнее, колдун поднялся с колен, на лбу его выступили крохотные капли пота.

— Я знаю цену своей ошибки, — огрызнулся он. — Это светлый артефакт, истинный. Но не то, что вы ищете. С тем я бы рядом стоять не смог. А этот даже взять могу, хоть и ненадолго. Свет озарил это, чем бы оно ни было, но это не Его частица.

— Что ж, ты действительно знаешь цену своей ошибки, — сказал его собеседник. — Или лжи.

Он снова склонился над Ансельмом, заглядывая в лицо и положив руки ему на плечи.

— Ты знал, что везешь, монах?

— Свет, — пробормотал Ансельм. — Частицу Света Истинного. От Престола Владыки архиепископу здешних земель, ради Благодати, да воссияет Она вечно...

— Значит, не знал, — вздохнул человек. — Как жаль. Прости меня, брат. На пути к Свету да осенит тебя Благодать Его. Не бойся, мы завершим твое дело. То, что ты вез, принадлежит Церкви и останется в ней.

Ансельм хотел сказать что-то, попросить, вымолвить еще хоть слово, еще пару мгновений посмотреть на тех, кто не понимает. Просто не понимает, что он, Ансельм, везет реликвию, частицу Истинного Света, и причинить ему вред — страшный, непростительный грех. Но чело-

век в кожаном доспехе взял его лицо в ладони и резко повернул, почти не больно и совсем не страшно. Что-то хрустнуло — громко, на весь мир, — и все погасло.

Человек в доспехе еще несколько мгновений смотрел на убитого, потом ладонью бережно закрыл ему глаза и прошептал:

— Покойся с миром, брат. Грех мой велик и неискупаем, но на суде я отвечу тебе, что сотворенное было сделано во имя Света и именем Его. Покойся с миром, и да пребудет с тобой Благодать...

Поднявшись с колен, он оглядел тропу, озаренную несколькими факелами.

— Остальные?

— Все кончено, — отозвался один из его людей. — Да пребудут они в мире.

— Замечательный мир, — пробормотал стоящий в паре шагов колдун, вглядываясь в ночное небо. — С такими братьями и врагов не надо...

— Не тебе судить нас, тварь, — по-прежнему мягко откликнулся человек.

Подняв руку, он нащупал на поясе серебряное колечко и сжал его в ладони. Захрипев, колдун схватился за горло, силясь оторвать невидимые руки, упал на колени.

— Сегодня здесь погибли те, чьего волоска ты не стоишь. Не смей пачкать поганым языком их память.

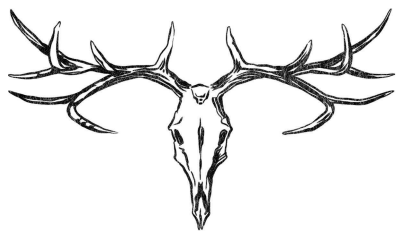
Он говорил тихо и почти нежно, все сильнее сжимая кольцо, пока колдун, хрипя и извиваясь, не рухнул на землю в судорогах, и только тогда убрал ладонь. Тяжело дыша, колдун лежал на земле, скорчившись и закрыл глаза. Отойдя, человек подошел к своему коню, уже приведенному на дорогу, снял с седла небольшую клетку, обвязанную платком, сдернул ткань. В клетке сидел белый голубь с бурым кольцом перышек на шее. Человек достал

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

из кармана два колечка, выбрал черное и закрепил на лапке голубя. Размахнувшись, подкинул птицу в воздух. Сделав круг, голубь поднялся вверх и исчез в ночном небе. Оглянувшись на приподнявшегося на локте и пытающегося отдышаться колдуна, человек нахмурился, перевел взгляд на тело Ансельма.

— Снимите ларец и упакуйте. Тела сложите рядом и укройте хоть плащами. Жером, останешься здесь и покараулишь их, пока не придут люди из деревни. Потом догонишь нас.

Один из его людей, высокий, с седыми волосами и молодым лицом, молча кивнул. Человек снова глянул на колдуна. Под его взглядом тот встал, кривясь и глядя в землю, пошел к лошади. Через несколько минут на тропе между холмами осталось лишь девять мертвых тел и молчаливый сторож, замерший на камне под все сильнее льющим с неба дождем.

Глава 5 ИГРА В ЗАГАДКИ

*Восточная часть герцогства Альбан,
монастырь святого Рюэллена,
резиденция Великого магистра
Инквизиториума в королевстве Арморика
7-й день ундецимуса, год 1218-й
от Пришествия Света Истинного*

Д огорающая свеча в массивном подсвечнике совсем оплыла, фитиль затрещал и покосился, а потеки воска хлынули на блестящую бронзовую чашечку держателя. Немолодой человек в темно-синем одеянии с широкой серебристой оторочкой по воротнику оторвался от чтения письма, устало откинулся на спинку высокого кресла и прикрыл глаза. Свеча продолжала трещать и коптить. Сзади, от двери в соседнюю комнату, к столу бесшумно подошел высокий юноша в серой шерстяной сутане и меховых тапочках, заменил свечу новой. Глянул на остальные, ровно и сильно горящие.

— До утренней службы еще час, — не открывая глаз, произнес человек в кресле. — Разве ты не должен в это время быть в постели, сын мой?

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

— Мне не спится, магистр. Не нужно ли вам чего-нибудь еще?

— Пожалуй.

Названный магистром открыл глаза, посмотрел ясно и холодно.

— Мне определенно нужно, чтобы ты поразмыслил над следующим: рвение к служению похвально, но не за счет здоровья. И тем более не за счет истины. Не спится, в самом деле?

— Простите, магистр, — прошептал юноша, заливаясь румянцем до ушей. — Вы не спали, и я подумал...

— Что я не смогу сам поменять свечу или подлить свежих чернил? Невысокого же ты мнения обо мне, Бертран. И, если ночные бдения войдут в привычку, придется ограничить тебе доступ к библиотеке. Книга должна быть радостью и ценностью, а не средством скоротать время в ожидании, пока догорит очередная свеча в моем подсвечнике.

— Простите, магистр, — повторил Бертран, опустив взгляд. — Я согрешил против истины, да простит меня Свет, и вы простите.

— Прощаю. Явишься к брату Григорию, он назначит, сколько часов искупления за ложь ты проведешь с мечом в тренировочном зале. После этого и сон будет лучше. Ну-ну, мальчик мой, хватит краснеть, как юная дева. И, раз уж ты здесь, а до заутрени мало времени, запечатай эти письма.

— Да, магистр!

Просияв, Бертран кинулся в соседнюю комнату, спустя несколько минут вернувшись оттуда с палочкой сургуча. Присев на второе кресло сбоку от стола, он принялся старательно и бережно греть сургуч над свечой и капать вязкую темную массу на конверты. Магистр достал из-за ворота сутаны цепочку с серебряным кругляшом печати.

ИГРА В ЗАГАДКИ

— Что наш гость? Ты видел его вчера? — спросил он, отгискивая клеймо на очередном конверте и подвигая его обратно Бертрану.

— Да, магистр. Мэтр Винченцо в добром здоровье и благополучии. С утра занимался с братом Грегорио фехтованием на пиках, потом посетил библиотеку и гулял в саду. А после вечерней службы писал письмо домой и попросил меня отправить его как можно быстрее.

— Хорошо, так и сделай. Ну вот, все... Можешь идти переодеваться к заутрене. Я помолюсь здесь. А после службы и завтрака пригласи мэтра Винченцо зайти ко мне.

Поклонившись, юноша вышел, прихватив ковш и огарок свечи. Магистр встал, вышел из-за стола на небольшой коврик перед камином и, сцепив пальцы, несколько раз потянулся вперед, затем заложил их за голову, пошевелил лопатками, изгоняя усталость. С усилием поднял и опустил плечи, одно из которых оказалось заметно ниже другого.

За окном гулко ударил колокол, потом еще раз и еще, отбивая время утренней службы. Поддернув сутану, магистр встал на колени, повернувшись в сторону восхода, и глубоко вздохнул. Мерный медленный бой медного колокола сменился быстрым серебристым перезвоном, словно ликующим.

— Во славу Света Истинного, воплотившегося в том, кто пришел во дни мрака и неверия, в земли опасности и нечестия...

Губы шевелились легко, и магистр привычным усилием заставил себя говорить медленнее, вслушиваясь и вдумываясь в каждое слово. Сколько лет прошло, а он все еще торопится в молитве, как нерадивый послушник, что проговаривает святые слова не сердцем, а всего лишь плотью.

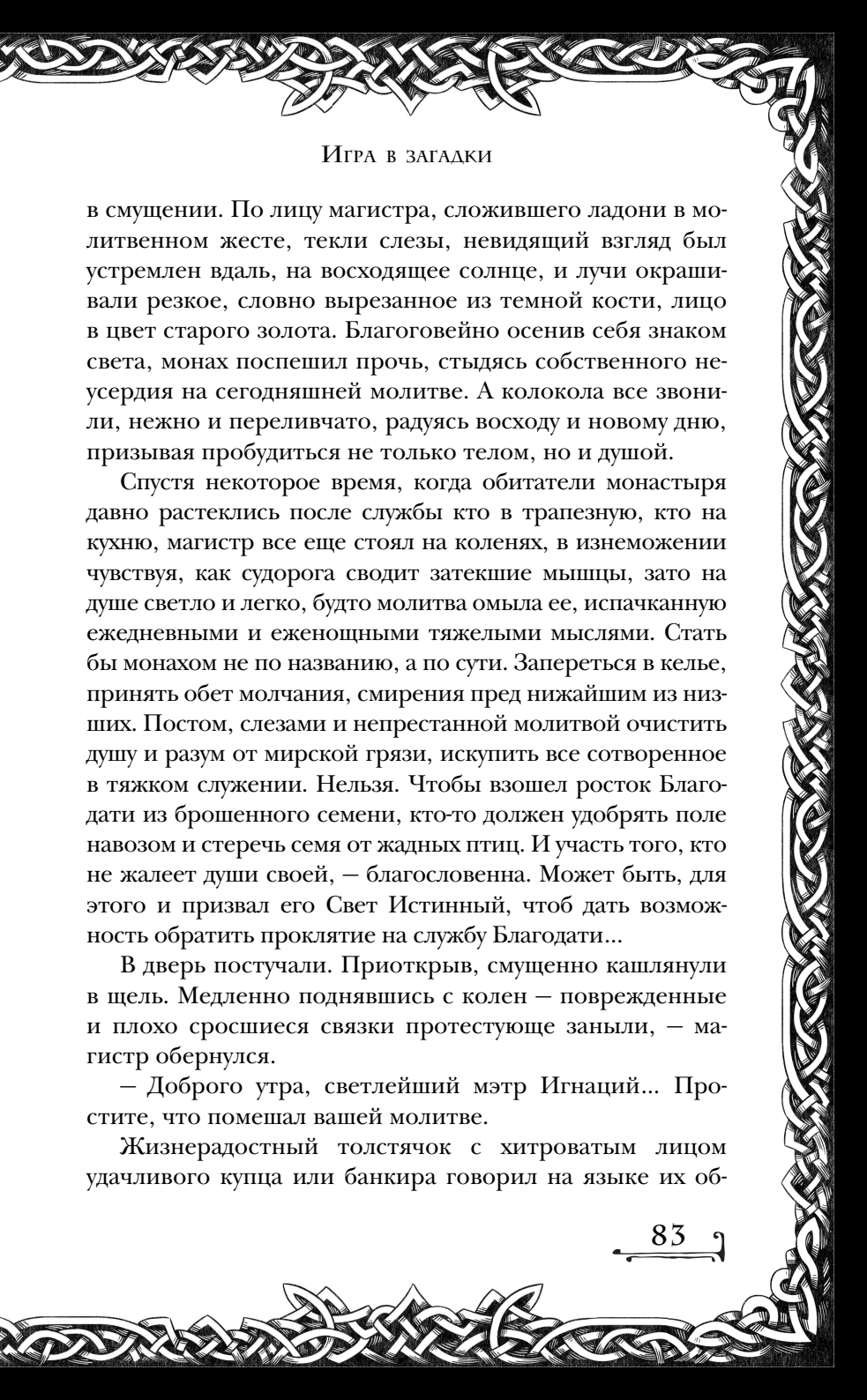
ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

— Ради истины животворящей и обличающей, благочестия непритворного и восславляющего... Слово Твое возгласу вблизи и понесу вдаль, да будет оно мне щитом, и мечом, и зерном, падающим в землю благодатную. Не осудит меня проклинаящий и не соблазнит обманывающий, сердце мое — сосуд твоей истины, да сохранится она в нем без изъяна...

Тихо и ровно льющиеся слова, привычный холодок по спине. Каждый раз, каждый раз за все эти годы он ждал, что однажды холод испуга обернется карающим пламенем и сожжет его нечестивую плоть, пораженную ядом проклятого дара. Но пламени не было — и каждый раз он до слез, до исступления был благодарен за то, что не отвергнут. Свет Истинный справедлив: разве его вина в рождении под сенью проклятия? Разве он виноват, что пламя и мороз мешаются в крови, то обжигая, то холодея, стоит лишь утратить самообладание. Потому и ходит он, магистр Инквизиториума, в церковь куда реже, чем положено по сану. Избегает служб в дни, когда соблазн особенно силен, как женщина избегает мужа в дни своей нечистоты. Лик Света Истинного слишком сурово глядит с фресок и икон на порченную овцу Своего стада. Овцу, которой приходится искать и искоренять порчу в других. От Его взора сила поднимается изнутри, кипит, бурля и пытаясь вырваться наружу.

— Свете мой, Свете Истинный, умири ее, молю тебя! Очисти меня, освободи от проклятия в крови. Выжги его силой Своей, если пожелаешь, забери вместе с жизнью, если на то воля Твоя. Разве Тебе не ведомо, что никогда, ни единого мгновения не желал я этой власти? Но если это — испытание Твое, то я клянусь нести его смиренно и беспрекословно, Свете мой Благодатный...

Один из монахов, проходя по дорожке мимо кельи магистра и случайно заглянув в окно, замер и попятился

ИГРА В ЗАГАДКИ

в смущении. По лицу магистра, сложившего ладони в молитвенном жесте, текли слезы, невидящий взгляд был устремлен вдаль, на восходящее солнце, и лучи окрашивали резкое, словно вырезанное из темной кости, лицо в цвет старого золота. Благоговейно осенив себя знаком света, монах поспешил прочь, стыдясь собственного неусердия на сегодняшней молитве. А колокола все звонили, нежно и переливчато, радуясь восходу и новому дню, призывая пробудиться не только телом, но и душой.

Спустя некоторое время, когда обитатели монастыря давно растеклись после службы кто в трапезную, кто на кухню, магистр все еще стоял на коленях, в изнеможении чувствуя, как судорога сводит затекшие мышцы, зато на душе светло и легко, будто молитва омыла ее, испачканную ежедневными и еженощными тяжелыми мыслями. Стать бы монахом не по названию, а по сути. Запереться в келье, принять обет молчания, смирения пред низжайшим из низших. Постом, слезами и непрерывной молитвой очистить душу и разум от мирской грязи, искупить все сотворенное в тяжком служении. Нельзя. Чтобы взошел росток Благодати из брошенного семени, кто-то должен удобрять поле навозом и стеречь семя от жадных птиц. И участь того, кто не жалеет души своей, — благословенна. Может быть, для этого и призвал его Свет Истинный, чтоб дать возможность обратить проклятие на службу Благодати...

В дверь постучали. Приоткрыв, смущенно кашлянули в щель. Медленно поднявшись с колен — поврежденные и плохо сросшиеся связки протестующе заныли, — магистр обернулся.

— Доброго утра, светлейший мэтр Игнаций... Простите, что помешал вашей молитве.

Жизнерадостный толстячок с хитроватым лицом удачливого купца или банкира говорил на языке их об-

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

щей родины, и магистр улыбнулся, небрежным движением ладони стирая капли слез с лица. Здесь, в полудиком и непросвещенном краю, услышать родную речь — настоящее удовольствие. Редкое к тому же. Даже братья, приехавшие на служение вместе с ним, все чаще говорят между собой на местном наречии. Столько лет прошло...

— Не вам просить прощения, мой дорогой брат. Разве не я пригласил вас в это время? Садитесь, прошу вас. Вы уже позавтракали? Может, согреть для вас вина?

— О, я уже воздал должное вашим поварам, светлейший, — разулыбался Винченцо Гватескаро, посол Святого Престола, опускаясь в кресло. — А с вином, думаю, стоит погодить хотя бы до полудня. Лучше успокойте мою тревогу: значит ли ваше приглашение, что вы получили добрые вести?

— Вести — да, но не добрые, дорогой брат, а совсем наоборот.

Глядя, как неумовимо подобрался и посерьезнел гость, Игнаций вздохнул, обошел стол и сел в собственное кресло.

— Увы, мои вести черны, как душа грешника. Брат Ансельм, везший нам от Престола Пастыря частицу Света Истинного, погиб в пути вместе со всем отрядом. Скорблю и сожалею, брат мой...

— Ансельм?! О Свете мой...

Посол медленно поднес к побледневшему лицу пухлые ладони, прижал к щекам и покачал головой.

— Ансельм... Воистину черные вести. Неужели все убиты?

— Все до единого, — подтвердил магистр. — Два палатина и отряд рыцарей. Да упокоятся их души в Свете.

— Воистину, — пробормотал Винченцо, отводя ладони от лица. — А что же реликвия? Неужели...

ИГРА В ЗАГАДКИ

— Нет, брат мой, не бойтесь. Реликвия не осквернена. Мои люди уже везут ее в Бреваллен, чтобы передать архиепископу Арморикскому.

— Слава Свету! — выдохнул Винченцо. — Когда вы узнали обо всем, мэтр? И как?

— Вчера после вечерней службы. Узнав, что отряд епископа пройдет рядом, я послал людей, чтобы встретить их. Признаться, я лелеял надежду прикоснуться к Благодати реликвии...

Магистр помолчал, и Винченцо энергично закивал в ответ:

— Разумеется, мэтр, как же иначе? А дальше?

— Увы, случилось страшное, — вздохнул магистр. — В дороге на отряд архиепископа напали, используя магию. К счастью, те, кто предался тьме, не могут прикоснуться к истинной реликвии, и она осталась нетронутой.

— Благодарение Свету, — проговорил Винченцо. — Благодарение Ему за это. Но какой удар! Брат Ансельм, известный ученостью и набожностью, истинный хранитель и ревнитель благочестия. И наши братья! О, какой удар...

— Я скорблю об их смерти, — отозвался магистр. — Клянусь в том Светом Истинным и Его Благодатью.

— Надеюсь, — маленький человечек выпрямился в кресле, не выходя ни смешным, ни жалким, — вы примете все меры к розыску преступников? Возмездие должно быть страшным и неумолимым, магистр!

— Разумеется, — спокойно подтвердил магистр. — Все, что смогу, в меру моих скромных полномочий. Я неоднократно докладывал Престолу Пастыря, что местная духовная власть не всегда оказывает мне должное содействие, увы. Возможно, опасаясь за свои привилегии...

ГОД НЕКРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ

— Местная власть... — Винченцо скривился, словно хлебнув кислятины. — Сказать по правде, архиепископ Арморикский производит благоприятное впечатление и кажется человеком рассудительным и благочестивым. Но... он местный. Из народа, чье упорство во мраке язычества стало нарицательным. И слишком уж привержен мирским благам, как я заметил.

— Не мне корить прелата всяя Арморики за что-либо, — помолчав немного, ответил магистр. — Вы же понимаете. Скажу лишь, что я предлагал ему помощь в сопровождении реликвии. Увы, епископ отказался. Будь там мои люди... Все же у них куда больше опыта в противостоянии тьме.

— Какая гордыня, — покачал головой гость. — Какая губительная гордыня... Я поразмыслю над этим, магистр. Полагаю, мне удастся убедить Престол Пастыря расширить ваши полномочия. Подумать только — отказаться от помощи и погубить столько братьев, едва не утерев святыню. Ваш секретарь, этот славный мальчик Бертран, должен был отправить мое письмо. Оно уже ушло?

— Насколько мне известно, курьер еще не отправился, мэтр.

— Тогда пусть его задержат, а мне вернут послание. Я хочу переписать его. Простите, мэтр Игнаций, ваши вести и вправду черны. Позвольте мне удалиться. Хочу вознести молитву за душу брата Ансельма и его спутников.

— Да, конечно, — сочувственно отозвался магистр, поднимаясь, чтобы проводить гостя.

Дождавшись, пока толстячок выкатится из комнаты, магистр обессиленно опустился в кресло, накрыв ладонью крошечное колечко из темного металла, лежащее на столе среди писем.